П. ФЕДОРОВ

ГК625
Ф294

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

ВОЕВОЙ ПУТЬ
27 СТРЕЛКОВОЙ
ИМЕНИ
ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА
ДИВИЗИИ

1928
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СССР ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ-СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

П. ФЕДОРОВ

ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

БОЕВАЯ ИСТОРИЯ 27-Й ОМСКОЙ, КРАСНОЗНАМЕННОЙ, ИМ. ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА, СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

ВТОРОЕ ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

„Мы говорим себе: кающись за наше мирное строительство мы приложим все силы, чтобы его продолжать беспрерывно. В то же время, товарищи, будьте на чеку, берегите обороноспособность страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что осложнения в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний мы не вправе допускать ни на секунду".

Н. Ленин.

(Из речи на IX Съезде советов в декабре 1921 г.—последнем, на котором присутствовал Ильич.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Заимствование для различного рода сценариев без моего разрешения и штаба 27-й дивизии — воспрещается.

К
П 1986

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ГК625
Ф294 Р

Библиотека
Института Ленина
при ЦК ВКП(б)

50с
12592

139
28
24194
24194

Главлит № А—3557 Гиз № 23692 Тираж 7 000 экз.

Тип. Госиздата „Красный пролетарий", Москва, Пименовская, 16.

Giovane operaia e contadina che nobilitate nelle file della 27ª Divisione dell'Armata rossa degli operai e contadini della R. S. F. S. moltiplicate la vostra capacità di lotta e conservate la gloriosa tradizione di questa Divisione modello alla futura Divisione dell'Armata rossa dell'Italia proletaria

I lavoratori d'Italia che lottano sotto la direzione del Partito Comunista contro i suoi nemici - il fascismo ed il capitalismo - devono nella Russia dei Soviet cercare gli amici nella vostra Divisione, il primo nucleo del loro esercito di classe ed, attraverso la storia semplice ed eroica apparsa nel libro "Sotto la Stella rossa" sono a conoscenza e fanno entusiasti del glorioso passato della vostra Divisione

Ai compagni soldati comandanti e dirigenti politici della 27ª Divisione del "Reparto Italiano" vada il fraterno saluto dei lavoratori italiani che si ribellano ad ogni forma e che anelano di essere uniti con voi, nella stessa fila, per la lotta decisiva contro il capitalismo mondiale

Mosca 11 giugno 1927

Ruggero Grieco

„ХРАНИТЕ СЛАВНЫЕ ТРАДИЦИИ“ [1].

Молодые сыны рабочих и крестьян Советского союза, входящие в ряды 27-й дивизии — одной из боевых единиц рабоче-крестьянской армии СССР. Укрепляя боевую мощь, храните славные традиции этой дивизии, образец для будущих дивизий Красной армии пролетарской Италии.

Трудящиеся Италии, борющиеся под руководством Коммунистической партии против своих врагов — фашизма и капитализма, знают, что в Советской России уже существует в лице вашей дивизии первое ядро их классовой армии.

Знакомясь с историей дивизии, просто изложенной в книге „Под красной звездой“, они узнают славное прошлое дивизии и им вдохновляются.

Трудящиеся Италии, которые сейчас борются на другом фронте, стремятся соединиться в одни ряды с вами для решительной борьбы с мировым капитализмом, шлют братский привет товарищам красноармейцам, командирам и политработникам 27-й дивизии имени итальянского пролетариата.

Марио Мадзи.

Москва. 11/VI—27 г.

---

[1] Письмо представителя коммунистической партии Италии в Коммунистическом интернационале. Перевел с итальянского т. Кабылянский.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

27-я дивизия, одна из боевых единиц рабоче-крестьянской Красной армии, родилась, когда вспыхнуло восстание чехо-словацкого корпуса. Этот корпус, хорошо организованный и снаряженный, следовал во Владивосток для отправки его морским путем во Францию на помощь союзникам.

Чехо-словаки, подкупленные на французские и английские деньги, подняли восстание в Пензе, двинулись на Сызрань — заняли ее, свергли советскую власть в Челябинске и захватили Сибирскую железную дорогу. В августе 1918 года они заняли Казань.

Урал и Поволжье были в их руках.

В то же время немецкие отряды захватили важнейшие города на Украине, заняли наиболее хлебородные местности.

На севере англичане решили захватить богатый Мурманский край. На Дальнем Востоке Колчак подготовлял военные силы для похода на Москву.

На юге собирались контрреволюционные силы, во главе с Петлюрой, Красновым, Дутовым и Деникиным.

А внутри страны озлобленные предатели начали совершать покушения на вождей пролетарской революции. Был ранен В. И. Ленин. Были убиты Урицкий и Володарский.

Революция должна была напречь все силы для обороны своих завоеваний.

И в это время была основана 27-я Омская, ныне Краснознаменная имени итальянского пролетариата, стрелковая дивизия.

Она прошла тысячи верст:

Казань, Уфа, Чистополь, Бугульма, Златоуст, Челябинск, Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск, Тайга, Мариинск, Минусинск — вот ее боевой путь на востоке.

Борисов, Минск, Слоним, Свислочь, Соколов, Белосток, Венгров, Волковыск, Радимин — ее боевой путь на польском фронте.

Дивизия участвовала во взятии Кронштадта, уничтожила бандитизм в Поволжьи.

За шесть лет омцы взяли в плен 85186 солдат и офицеров, захватили 2269 пулеметов, 353 орудия, 15 бронепоездов, 10 бронеавтомобилей, 333 паровоза, 12235 вагонов, 100000 винтовок, 3500000 снарядов, 12000000 ружейных патронов и много другого имущества, неподдающегося учету.

И в этом заслуга не отдельных героев, отмеченная награждением дивизии 18-ю знаменами ВЦИК и Сибревкома и 898-ю орденами Красного знамени. В этом заслуга всех рабочих и крестьян, которые шли под знаменами дивизии, умирая просто и беззаветно.

В этом заслуга и Коммунистической партии, которая посылала своих сынов в качестве рядовых бойцов и руководителей в самые опасные места. Весь период гражданской войны почти половина членов всей Коммунистической партии пребывало в рядах Красной армии. Коммунисты шли впереди и гибли первыми. Коммунисты умели организовывать победу в самых трудных условиях, когда бойцы были полуголодны, босы и раздеты. С каким революционным энтузиазмом омцы, не страшась поражений, шли к победам, с таким же энтузиазмом встречали и вливались в ее ряды челябинские, курганские, казанские, омские, златоустовские, уфимские рабочие и крестьяне.

Теперь дивизия имеет своим шефом Итальянскую коммунистическую партию, которая борется с самым ярым врагом трудящихся — фашизмом.

Победы 27-й дивизии одушевляют итальянских трудящихся.

Мучения итальянских рабочих, рабочих и трудящихся других стран мира заставляют нас помнить, что великая борьба еще не закончена.

27-я дивизия как составная часть рабочего класса в тесной связи с ним и крестьянством в будущих боях будет железной, непобедимой, потому что молодые омцы уже знают, что знамена, врученные им, омыты кровью бойцов, лучших сынов Советской России, могилами которых, покрыты горы Урала, равнины Сибири, поля Белоруссии, Финский залив и степи Поволжья. Трудный путь борьбы был пройден дивизией. На поражениях и победах в борьбе с врагами пролетарской революции выросла, закалилась и стала славной боевой 27-я дивизия.

Пусть эта книга поможет молодым бойцам, рабочей и крестьянской молодежи узнать великий путь, по которому прошла дивизия.

Пусть имя омцев будет страшить врагов, когда дивизия вновь выступит на борьбу.

История о боевом прошлом дивизии составлена по материалам политотдела и штаба дивизии и по воспоминаниям старых участников боевых походов. Особенно нужно быть благодарным товарищам: Путна, Вострецову, Краснопольскому, Я. Грунту, Кучкину, Павлову, Зазубрину, Коврайскому и другим, которые в отдельных рассказах и отрывках записали боевое прошлое 27-й дивизии.

П. Федоров.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ДИВИЗИИ.

Имя	27-я.
Фамилия	Омская.
Отчество	Краснознаменная, имени итальянского пролетариата.
Специальность	Стрелковая дивизия.
Год рождения	1918.
Кем рождена	Октябрьской революцией.
Место рождения	На реке Волге, под Казанью.
Происхождение	Из рабочих и крестьян.
Образование	Окончила университет гражданской войны.
Подданство	Штабу мировой революции — III Коммунистическому интернационалу.
Место приписки	Союз советских социалистических республик.
Какие имеет награды	18 красных знамен ВЦИК, Сибревкома, итальянской компартии; 898 орденов Красного знамени и много др.
За что награждены	За участие в освобождении Сибири, Белоруссии, Кронштадта и Поволжья от врагов советской власти.
Чем занимаетесь в настоящее время	Обучением и подготовкой молодых бойцов для будущей борьбы с капиталом.

27-я ОМСКАЯ.

(Песня 27-й дивизии.)

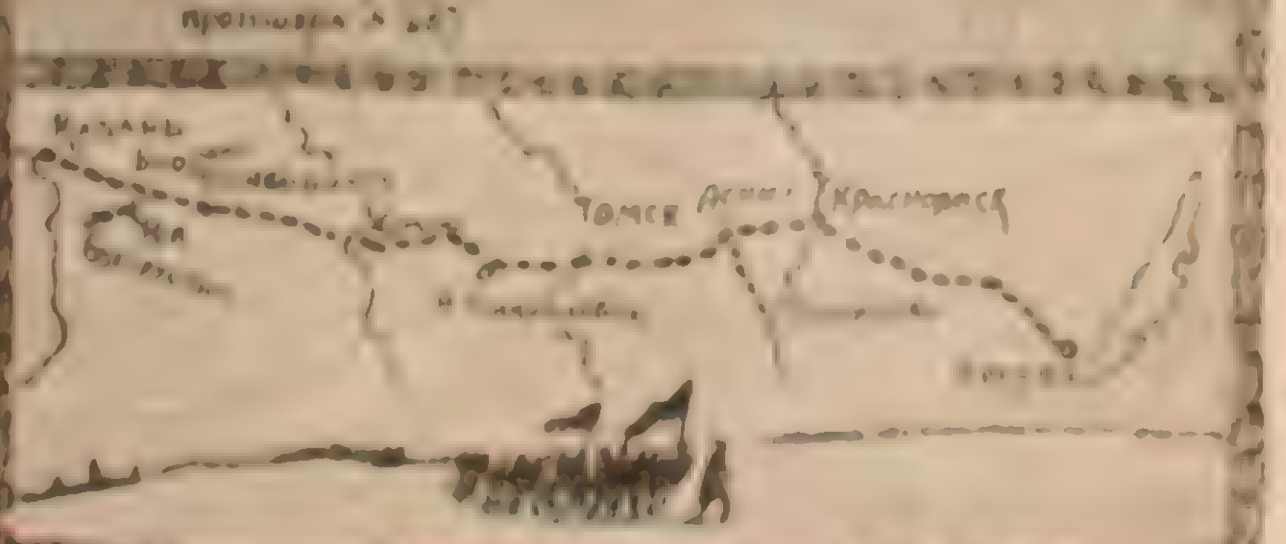
В степях приволжских,
В безбрежной шири,
В горах Урала,
В тайге Сибири,
Стальною грудью
Врагов сметая,
Шла с красным стягом
Двадцать седьмая.
Струил ей песни
Иртыш глубокий,
Гимн пели кедры
В тайге далекой.
На Енисее
Врага громила,
В широкой Висле
Коней поила.
Ее видали
Мятежным мартом
На льду залива
Форты Кронштадта.

Сердитый Каспий,
Словно родную,
В волнах баюкал
Двадцать седьмую.
Сраженья стихли,
Смолк гром орудий,
Легко вздохнули
Вольные груди.
И труд свободный
Оберегая,
Стоит на страже
Двадцать седьмая.
Но если вспыхнет
Сражений пламя,
Взовьется снова
Алое знамя.
И снова грудью
Врагов сметая,
Пойдет на битву
Двадцать седьмая,

Н. К.

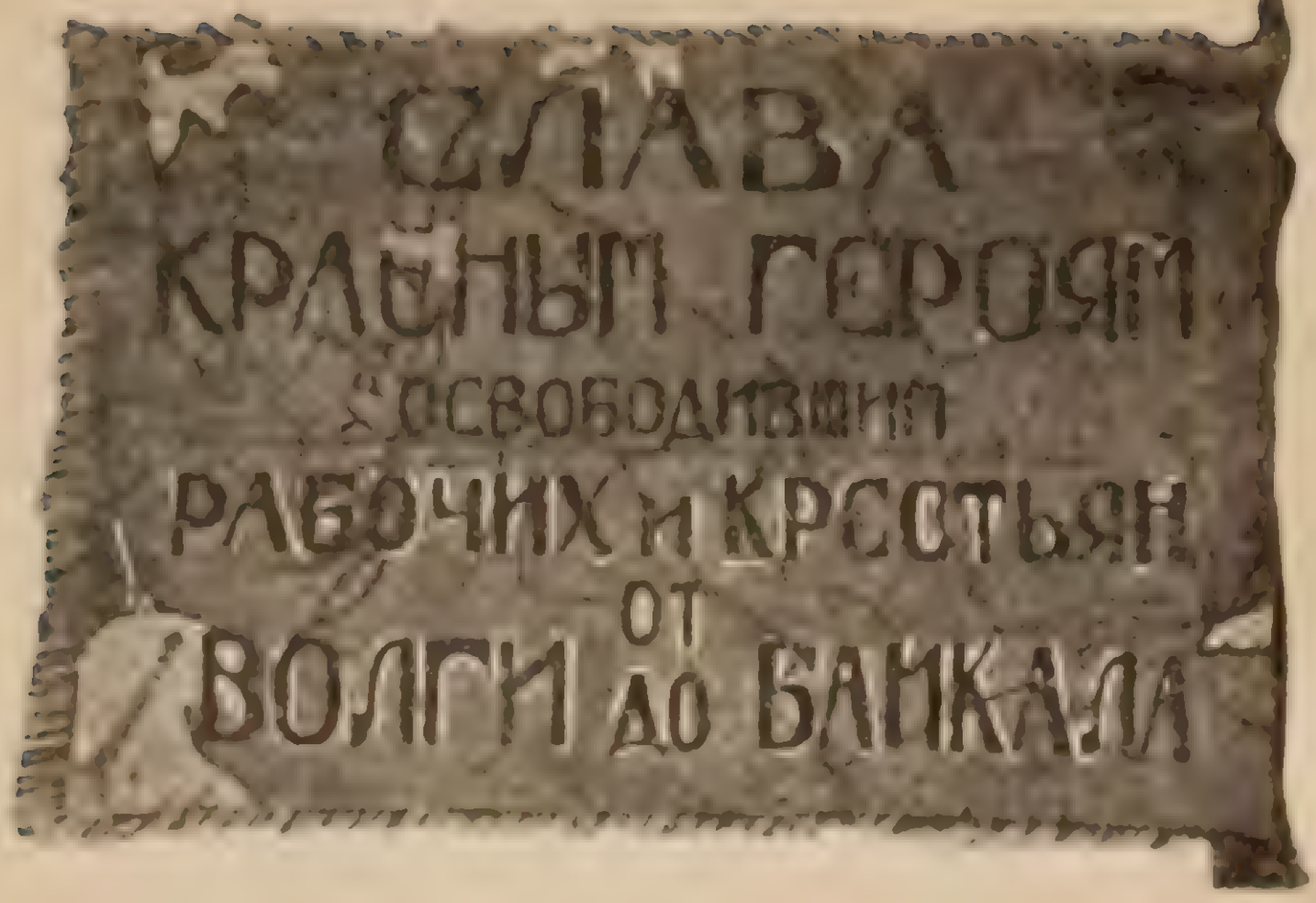
Сибирский Революционный
Комитет награждает в память
в ознаменование героических подвигов, воин-
ами в истории революции, одержанной
27 дивизией, очистившей всю низовья
от берегов Волги до Сибири, за
ных трудов и тяжких лишений своих со
ветской России освободившей рабочих и
крестьян Сибири из плена и защитив-
ших их завоевания почетной
Красное Знамя.

Председатель Сибирского Революци-
онного Комитета
Помощник главнокомандующего всеми
вооруженными силами Республ



РОССИЙСКАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

15 Января 1918 г.


СЛАВА
КРАСНЫМ ГЕРОЯМ
ОСВОБОДИВШИМ
РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН
ОТ
ВОЛГИ ДО БАЙКАЛА

От Всероссийского
Центрального
Исполнительного
Комитета

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОТ ВОЛГИ ДО ЕНИСЕЯ

„ВСЯКИЙ КРАСНОАРМЕЕЦ ДОЛЖЕН ВСЕ СИЛЫ, ВСЕ СРЕДСТВА, ВСЕ УМЕНЬЕ ЦЕЛИКОМ ОТДАТЬ ДЕЛУ СОЗДАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ, НЕ ЗА СТРАХ, А ЗА СОВЕСТЬ ИСПОЛНЯТЬ ВСЕ ЗАКОНЫ КРАСНОЙ АРМИИ, ВСЕ ПРИКАЗЫ, ПОДДЕРЖИВАТЬ ДИСЦИПЛИНУ В НЕЙ ВСЯЧЕСКИ".

(Н. Ленин, том XVI.)

БОРЬБА ЗА КАЗАНЬ.

Чехо-словаки, высадив десант на Устье и разбив разрозненные красногвардейские отряды, через Адмиралтейскую слободу, вступали в город.

Преследуемые чехо-словаками, с белыми повязками на рукавах, красноармейцы в панике бежали кто куда, и больше на северо-запад.

6 августа 1918 года чехи окончательно заняли гор. Казань и поевоему наводили порядок. Город Казань превратился в настоящее контрреволюционное, белогвардейское гнездо...

В переполненном городском театре представители нового „правительства" — Лебедев и Фортунатов [1] — перед буржуазией и городской обывательщиной, захлебываясь, клялись и звали к борьбе:

„— Какова же цель, которую мы себе поставили в этой тяжкой и кровавой борьбе? Эта цель — есть возрождение России, восстановление нашей национальной чести. Мы не делали различия между партиями, течениями и организациями, а всякий, кто дело возрождения России ставит выше интересов своего класса и сословия, пусть идет с нами, тот наш друг, товарищ и соратник, а для кого свои классовые или сословные интересы выше великого дела возрождения России, тот наш враг. Правительство должно быть едино, одушевлено единой волей к возрождению России, каких бы жертв это ни стоило и какие бы тяжелые жертвы ни пришлось наложить на отдельные сословия

[1] Лебедев — особо-уполномоченный комитета Учредительного собрания.

Фортунатов — член Учредительного собрания. Оба являлись представителями партии социалистов революционеров.

и классы России. „Благоденственного и мирного жития" мы вам не обещаем; в погибели России виноваты все. Вы сами погубили Россию, умейте страдать, чтобы ее возродить"...

„Мы не делали разницы между партиями и организациями, лишь бы они стояли за возрождение России, и в наших рядах объединяются представители от социализма до монархизма, но в наших рядах не может быть места так называемой „германской ориентации". Когда в наши руки попадут лица, предавшие Россию внешнему врагу, будут ли это Ленин и Троцкий или Чхенкели и Жордания, предавшие Кавказ турецкой власти, будет ли это Скоропадский на Украине или Краснов, они будут расстреляны так же, как красноармейцы и комиссары"...

... „Всем насильно зачисленным в ряды Красной армии приказываем немедленно восстать против комиссаров, инструкторов, ведущих их на бесполезную бойню. Бейте, истребляйте своих комиссаров и переходите к нам!"...

...„Бейте ваших комиссаров, уничтожайте их и переходите на сторону Учредительного собрания!"

Словом, „начальство", выкинуло лозунги: „смерть комиссарам! — „бейте большевиков!"

...Был порыв, сладострастное устремление, охватившее всю буржуазную и мелкобуржуазную массу, вплоть до студентов и гимназистов, — стремление уязвить, давить пораженного врага. Все рвались послужить „святому делу возрождения России" и с необыкновенной доблестью и „самоотвержением" расстреливали и арестовывали направо и налево [1]...

— ...Вышел я из квартиры, — говорил тов. Догадов на вечере воспоминаний в Москве, — и направился к городу, но не успел дойти до дома Сафронова около церкви, в Суконно-Слободском районе, как я увидел валяющиеся трупы расстрелянных рабочих фабрики „Победа" (числом 6—7). Дальше я не пошел, так как слышал, что в городе продолжается расстрел рабочих и коммунистов...

[1] См ст А. Кузнецова (Пролетарская революция, № 7) и А Рейсер (Пролетарская революция, № 12)

Контрреволюция начинала кровавую страницу своей бесславной истории...

В самый разгар революционной борьбы, под огнем белых, на левом берегу Волги, там, где красные, обороняясь, осели с решимостью драться до конца, родилась двадцать седьмая дивизия, в состав которой вошли:

„1-й Н-вельский, составленный из добровольцев 35-й дивизии старой армии, Оршанский — из двух местных красных партизанских отрядов, Минский революционный полк, созданный еще при существовании старой армии из политических заключенных в Минске, Брянский советский, Курский, Тверской, Волжский — соединенный из 1-го и 2-го Московских революционных полков, — назвался Волжским потому, что около Симбирска на Волге на пароходах подвезли друг к другу оба Московских и объявили, что отныне будут зваться одним полком, — стрелки решили зваться Волжским, — Крестьянский (из Гомельского крестьянского отряда) и 2-й Петроградский полки с батареями: Вяземской, Оршанской, Крестьянской, Л-инской и Гомельской и 2-й Петроградский кавалерийский полк"... [1]

Дивизия, на берегу рожденная, здесь же и держала вступительный боевой экзамен.

...Солнце палит беспощадно. Мелкою рысцою идет латышская батарея. Вдали слышна трескотня пулеметов. По пути встречаются унылые, печальные лица жителей, бежавших из Казани.

Батарейцы с жадностью расспрашивают жителей про Казань. Те рассказывают об ужасах, творившихся в Казани после прихода чехо-словаков. Закаленные в боях еще под Сызранью, артиллеристы стараются ободрить беженцев.

Едут дальше. Жители радостно встречают красных бойцов и меняются впечатлениями. Только и слышишь:

— Скорей прогоните чехов!

Но вот ближе и ближе трескотня пулеметов и винтовок. Остановка, — и батарея встает на позицию.

— Батарея, огонь!

---

[1] Путна, 5-я армия в борьбе за Урал и Сибирь, стр. 9.

— Батарея, огонь!..

И батарея дружно посылает гостинец за гостинцем чехо-словакам.

Бой кипел, а вдали, над черными зубцами леса, дрожало зарево пожара. К Красному мосту на Волге, обстреливая город, подошли наши миноносцы. Казанские рабочие, чувствуя приближение Красной армии, подняли восстание. Огнем и мечом расправлялся Борис Савинков вместе с офицерами французской службы и членами Учредительного собрания—с восставшими рабочими. Лилась в Казани кровь рабочая, кровь трудового народа. Зарево пожара, стон рабочих разбудили красноармейцев. Закипели негодованием и ринулись вперед...

...Поют смертоносную песнь пулеметы. Дождь снарядов, а красноармейцы наступают, не ложась, идут вперед. Смотрят смерти в глаза, штыками гонят страх от себя, дерзко бросают вызов небу... всему миру.

А у белых заминка. Смолкли орудия, затихли пулеметы — нет больше патронов.

Оршанцы уже в окопах противника. Нельзя задержаться — дальше идут. Стынет брошенный чехами чай.

— Командует товарищ без фуражки, на серой лошади! — передавали по цепи, и в это время вихрем промчался комбриг Нейман.

— Невельцам — на выручку! За мной!

Напор. Ворвались красноармейцы в Казань. И стала Казань красной. Было это 10 сентября 1918 года.

Чехо-словаки и учредиловцы покатились к востоку. Перейдя реку Каму, части с упорными боями продвигались вперед. Все дальше и дальше идут. Мелькнул занятый Чистополь. Вот и Бугульма...

— Ну, братва, теперь держись! — кидает курцам их командир Морозов, — офицерье перед нами...

— Гг-ы-ы-ы... расчешем! — во весь рот широко улыбается красноармеец. В цепь рассыпались. Пошли.

Эх, как горячи пули. Вопьется пуля пламенем в тело и жизнь до дна выпьет.

Падают, падают люди, пронзенные пулями, а оставшиеся идут вперед.

Первый из них Морозов. Соскочил с коня, пешком в цепи. Взмахнул руками, — пуля в ногу впилась, другая, третья...

Лежит — не шевельнется.

— Убит! — наклоняется над ним санитар, поворачивает кверху лицом. Слабый чуть слышен стон. Слегка шевелятся почерневшие губы.

— Ж-и-в...

Вон комиссар бригады, без шапки, верхом. Эй, берегись, всадник, пули ищут тебя. Берегись, всадник Не уберегся. Словила его пуля... Грузно падает с коня лицом в пыльную траву. Ползет десяток шагов, оставляя в пыли след кровавый Стонет...

А красноармейцы — вперед. Командира убили.. комиссара ранили... Ну, что ж? И без них они идут к победе За их кровь отомстят.

Захватив бронепоезд, 27-я 16 октября вошла в Бугульму.

У СЕДОГО УРАЛА.

Капризно извиваясь, безлюдная и дикая, течет Уфимка меж крутых берегов, сплошь покрытых дремучим лесом.

Скалистые берега подчас громоздятся под самой водой, и река течет, то исчезая в объятьях ущелий и леса, то натыкаясь на скалы, вихрастая и буравая, в бессилии победить великана, круто сворачивает, ища выхода в стороне, а вырвавшись на долину, как бы радуясь, широко и свободно катится дальше, вперед.

Сегодня, как и тысячи раз до этого, над Уфимкой простерлась звездная, немая ночь, а на противоположных берегах, зорко присматриваясь друг к другу, жили, суетились и готовились к схватке два враждебных лагеря.

У деревушки Айдос, где Уфимка описывает красивый полукруг, восточный берег был занят белыми. Споря в искусстве с кротами, белые чуть не под каждым амбаром устроили блиндажи, под прикрытием которых наблюдали за нами, не давая появляться на берегу даже одиночным людям...

Все знали, что сегодня задача тяжелая. До солнца нужно завладеть восточным берегом, сильно укрепленным, обрывистым, а средств переправы всего пять лодок, поднимавших по три человека каждая.

Лица у всех сосредоточенно серьезны. Разговоры шопотом, походка осторожная, бесшумная. Вот и расчет и посадка людей на лодки закончены, розданы весла, пулеметы на местах.

Над рекой повис предутренний туман.

Телефонная трубка визжит: „батарея, к бою".

Первая очередь — в лодках. Еще несколько спешных фраз, и раздалось: „трогай"...

Ха-ха-ха-хахаха... Захохотал белогвардейский пулемет и вскоре замер под штыками уже переправившихся красноармейцев. Его сменили другие, своим черствым татаканием встревожив окрестность.

Оба берега ожили.

Гул артиллерии сменился рокочущим шумом пулеметной и ружейной стрельбы. На восточном берегу реки в деревушке пятнадцать смельчаков уже завладели белогвардейским „максимом" и вели жестокую схватку, постепенно тесня белых из окопов.

Дрались с остервенением, на какое только способен человек, сознающий, что путей к отходу нет.

Впереди враг, а сзади — река...

Там дрались, а на западном берегу сотни загрубелых и черствых сердец забились в тревоге, — как бы в воду не сбросили наших... Но, нет. Лодки шныряют, очередь за очередью высаживая подмогу...

...Седой Урал у своего подножья увидел со знаменами красноармейцев. Напрасно белые устраивали окопы и проволочные заграждения, напрасно цеплялись за каждую складку местности.

— Нет сил удержать красноармейцев, они рвутся на Уфу! — доносил комбриг Нейман.

Упорная оборона ударных частей „народной" армии не могла остановить красных.

Уфа — столица директории Учредительного собрания, — взятая 31 декабря 1918 года 27-й и 26-й дивизиями, была новогодним подарком Республике.

...За городом наши красноармейцы нашли десятка четыре обезображенных трупов. Обнаружили их случайно. При разборе проволочных заграждений какой-то красноармеец ударился сапогом о череп. Стали копать и под мелким слоем земли, то там, то тут, стали находить эти, обезображенные и временем и зверством белых, трупы. Откуда они, кто они? — никто не знал. Да и узнать их было трудно. Лежали они под землей в самых неестественных позах с переломанными ребрами, вывернутыми руками и ногами, с пробитыми черепами, с отбитыми носами... У одних на шее болтались обрывки веревок, у других руки и ноги крепко были связаны проволокой военного полевого телефона... Среди мертвецов — две-три женщины, несколько дряхлых стариков... Рядом с одной женщиной, тесно прижавшись к материнской груди, лежал обезображенный труп младенца.

Этих нашли случайно, сваленными в одну кучу, но сколько осталось необнаруженными таких куч и разбросанных одиночками по Советской земле невинных жертв?!

Пьяные и озверевшие офицерские колчаковские банды, отступая, на своем пути не щадили никого. Убивали стариков и женщин, даже младенцев расстреливали. Убивали с наслаждением, упивались их кровью и муками... Мучили и пытали и потом издевались над обезображенными трупами.

Глядя на эти трупы, нетрудно было представить себе, что они перенесли при жизни, находясь во власти этих зверей.

Их было около четырех десятков. Но из одной только Уфимской тюрьмы перед отступлением, по ночам, белые выводили за город сотни заключенных. Жители слышали, как с разных сторон в город доносились выстрелы. Тюрьма опустела, но зато обломками человеческих костей запестрели луга, поля и леса.

Сколько их было?

Никто этого не может знать. Количество их не поддается учету. Их было много.

Приходили осматривать эти трупы сотни людей, потерявших своих родных и близких, но признать их никто не мог. Они были страшно обезображены. И похоронены они как неизвестные жертвы зверства белых.

Кратко и мрачно красные объявили населению:

„Такого-то числа состоятся гражданские похороны жертв гражданской войны на Сергиевской горе. Собраться в Парке свободы".

И больше ничего. Но население само узнало все подробности, и вся красная Уфа забурлила:

„Проклятие убийцам, не пощадившим даже стариков женщин и детей!.."

А в день похорон улицы запестрели красными и черными знаменами. Дома опустели. Дети, дряхлые старики и старухи, не говоря уже о молодых и сильных, приняли участие в гражданских похоронах.

К Парку свободы тянулись бесконечные колонны организованных демонстрантов, и густой толпой, как вулканическая лава, шел растерявшийся обыватель с тревожной думой на челе: „неужели еще вернутся к нам эти люди-звери?.."

Но вот демонстрация выстроилась, оркестр заиграл похоронный марш, и бесконечная колонна медленно потянулась к Сергиевской горе. Такой демонстрации Уфа не видела ни до этого, ни после.

Целый час головной отряд демонстрантов поджидал на Сергиевской горе прибытия своих рядов.

Гора загудела, покрылась сплошной человеческой массой, а город в это время совершенно опустел. Только у ворот домов жалобно лаяли собаки, скучая по своим, ушедшим на похороны, хозяевам.

Мертвая тишина царила кругом. А на горе в это время уже начали раздаваться пламенные речи ораторов, призывающих проклятие на головы палачей...

На краю братской могилы рядами лежали обезображенные трупы...

Под звуки похоронного марша опускали в братскую могилу мертвецов. Красные и черные знамена отдавали последний привет погибшим и, шелестя на ветре, печально склонялись к земле. Каменистая почва дробью падала в могилу, и скоро на самой вершине Сергиевской горы, под самой Уфой, вырос могильный холм над неизвестными обезображенными трупами.

Эту могилу видно из города. На ней построили временный деревянный памятник, а над ним водрузили красный флаг.

И красный флаг на одинокой горе, ветром бросаемый из стороны в сторону, как будто зорко следит за тем, чтобы к горе не подошли непрошенные люди и не нарушили покоя обезображенных белыми бандитами трупов.

Сторожит их красный флаг!..

„ПРАВИТЕЛЬ" ОМСКИЙ.

За спиной учредиловской директории появился верховный правитель „всея России" адмирал Колчак. Сладкие разговоры меньшевиков и эсеров о свободе не могли удовлетворить буржуазию. Ей нужен был человек, который бы смог повести решительную борьбу с советской властью. Таким являлся Колчак.

Красная армия добивала войска учредиловцев, а Колчак в это время для борьбы с советской властью объявил рекрутский набор по всей Сибири. Казаки и офицеры ездили по деревням и плетками сгоняли крестьян в белые полки. Новоявленному „царю" удалось набрать большую армию. Весь капиталистический мир, Англия, Франция, Америка и Япония сначала тайком, а потом открыто снабжали его оружием и деньгами. И недаром в то время по Сибири распевали:

Мундир английский,
Погон российский,
Табак японский —
Правитель Омский.

Хорошо подготовленный Колчак начал свой поход

* * *

Ослабленные боями и переходами красные части не смогли сломить волну свежих сил белогвардейцев. Колчак на подступы к Уралу выбросил против наших армий восточного фронта до 35 пехотных и 19 кавалерийских дивизий, общей численностью в 110 тысяч штыков, 40 тысяч сабель, 420 орудий и 1 350 пулеметов. Все же силы Колчака к этому времени вместе с войсками „союзных держав насчитывали — 290 тыс. штыков, 50 тыс. сабель, 600—700 орудий и 2—2½ тысячи пулеметов. Долго отбивала атаки колчаковских полков 27-я дивизия, пыталась задержаться, но силы были слабы. Камские, Ижевские, Воткинские полки, полк Иисуса Сладчайшего — все побывали под огнем наших пулеметов. Бряицы творили чудеса. Они не просили пощады и не давали ее никому. Насчитывая 150 штыков, 5 дней они оперировали в тылу у белых. Но что могли сделать полтораста героев в тылу многотысячной армии. Отчаянным ударом эта горсть храбрецов прорвалась через линию фронта, потеряв своего командира тов. Шутова.

Отдельные геройские подвиги, доходившие до безумия, не могли остановить колчаковцев. Материальное положение стало невыносимо тяжелым, полки удерживались, только революционным сознанием...

...Это и произошло под Белебеем. Красные части, которые должны были задержать наступление белых на Белебей, дрогнули. Несколько красных полков под Ивановским заводом, верстах в 30-ти от Белебея, были смяты, и им грозила опасность быть захваченными в плен белыми...

...Поздно вечером мы потянулись к Ивановскому заводу. Полуголодные крестьянские клячонки еле двигались, мы от нервного напряжения и от мороза дрожали и кутались в свои шинели. То тут, то там раздавались одиночные выстрелы. Кто это стрелял, мы не знали, и, наверное, никто этого не знал, кроме самих стреляющих. Изредка навстречу нам скакали вестовые, которые встречали и провожали нас зоркими взглядами: может быть, враги? Может быть, надо будет отстаивать свою жизнь?

Вдали показалось несколько всадников. Очевидно, разведка, но чья? Руки нервно обхватывают винтовки,— надо быть готовыми ко всему.

Всадники приближаются и так же недоверчиво оглядывают нас, как и мы их.

Глаза устремлены на плечи. Нет ли погон?

Молча, невольно отдавая честь друг другу, мы разъезжаемся. Поздно ночью мы приезжаем на Ивановский завод.

Быстро находим штаб бригады, который помещается в маленькой грязной избе. Кроме работников штаба, разведчиков, рассыльных, там же помещаются и хозяева избы со своими домочадцами,— повернуться негде. Дым стоит столбом, дышать нечем, постоянно трещит полевой телефон, постоянно отдаются приказы, принимаются донесения. То и дело открывается маленькая дверь избы, впуская приходящих за приказами, политкомов и коман-

диров полков. Вместе с ними в избу врываются клубы холодного пара.

Разговариваем, знакомимся с положением дел. Но каждую минуту нас прерывают, и сведения мы получаем отрывочные. Однако мы узнаем, что положение на этом участке фронта из рук вон плохо. Красноармейцы уже три дня без пути и дороги, по глубокому снегу с боем отступают. Многие босы и голы.. К нашему приезду вышел на Ива-

Полночь в штабе бригады в тревожные дни.

новский завод Тверской полк и разбрелся по селу. Как снова собрать полки, никто не знает; неизвестно даже, как найти политкома полка. С большим трудом находят его квартиру, и мы решаем вызвать его в штаб. Посылаем вестового, который, вернувшись, доносит:

— Товарищ N выгнал меня и заявил, что он в штаб не пойдет, а если он кому-нибудь нужен, то пусть приходят к нему.

Послали вторично, и дело кончилось тем же.

Постепенно небо начинает белеть, и в избу врывается туманный морозный рассвет...

Получается донесение, что район окружается белыми и часть их держит путь на Белебей.

Шлем политкому Тверского и политкомам двух других полков приказ о сборе красноармейцев. Получаем ответ от политкома Тверского полка, что полк собирать он не будет, так как красноармейцы совершенно обессилели и двинуться с места не в состоянии. Даем тревогу, и полк удается собрать.

Перед нами полуголые, голодные люди. Это — уже не армия, но на них последняя ставка, без их поддержки — гибель. И глядя на эти изможденные лица, на отмороженные пальцы ног, торчавшие из рваных валенок, исчезают всякие призывные слова. Хочется вывести их из линии огня, накормить, одеть и дать возможность отдохнуть. Но делать этого нельзя, так или иначе, надо уговорить их пойти навстречу врагу и задержать его. Вместе со своими красноармейцами на собрание явился и политком Тверского полка. Он, зло блестя глазами, указывает нам на своих бойцов и говорит:

— Они не в состоянии итти, они шагу не сделают!

Его слышат ближайшие красноармейцы и усталыми голосами поддерживают своего политкома, с которым они выдержали не одну битву, с которым плечо к плечу они выигрывали не один бой и с которым они готовы пойти в огонь и в воду. В преданности делу революции политкома Тверского полка никто не сомневался, так как за ним позади богатое революционное прошлое и боевые заслуги в пятой армии. Этот железный, но переутомившийся, издерганный человек просто не отдавал себе отчета в своих действиях и перестал понимать, что во время боя отдыхать нельзя,— надо биться до последнего.

С тяжелым сердцем мы выступали на этом собрании. Хмуро встретили наши первые слова уставшие бойцы, но когда мы заявили, что колебание и всякое промедление с их стороны грозит смертельной опасностью всей армии, то наши слова были прерваны почти единодушным криком:

— Мы — не предатели! Довольно! Мы идем!

Вместо старого политкома был назначен новый, т. к. не было уверенности в том, что он пойдет с полком до конца. Но он не пожелал отстать от полка и в качестве рядового направился вместе с ним навстречу почти верной смерти.

Село ожило. Начались быстрые сборы к бою трех полков. Хмурые лица красноармейцев ожили, стали еще более решительными. Готовые уже к выступлению, красноармейцы подходили к нам, и мы слышали от них только одну жалобу:

— Махорку, товарищи, пришлите скорее. Без курева плохо — настроение падает!

Соломой затыкали старые валенки, и никто новых не требовал. Как будто глазами говорили они:

— Не дураки, и не маленькие! Понимаем, что взять все это негде!

Наконец, сборы кончились, и по трем разным дорогам три голодных и раздетых полка исчезли в молочных сумерках морозного утра. Бодро они пошли навстречу более сильному врагу...

Вьются по ветру черные ленточки, землю метут клёши. Балтийская братва в бою. Нет-нет, свернется на сторону черный комок. Меньше одним моряком стало.

Великосельцев — со своими коммунистами. Ветер весенний чешет его огненно-рыжую бороду. Такой кряжистый тверской мужик. Руки, что корни замшелых лесных великанов, широкая, словно чугунная, спина не согнется.

— Эй, братва, вперед!

Треплет ветер алые банты, играет черными ленточками на шапках. Лентами пулеметными опоясаны, прут стеной матросы вперед.

Все меньше и меньше их становится. Тает и тает под жгучей струей пулемета черная глыба. Цепляются брянцы, курцы и тверцы за всякий рубеж — но напрасно.

Остатки матросов отходят. Хряпнул со злости Великосельцев карабин о землю, хрустнуло и отлетело ложе.

— Эх, наши отходят!..

А сзади — темные кучки остались. Ласковый ветер играет черными ленточками на шапках-бескозырках.

...Красные отступали и, отступая, бросали орудия: кони устали, из грязи весенней не вытащить колес.

— Эх, напоследок пальнем! — Горсть песку, камни в дуло пушки, снаряд заложат, — бахнет орудие, и нарезы в нем — к чертовой матери. Три-четыре удара топором — панорама лопается, а замок в воду.

В белом стане ликование. Гудят телеграфные провода, нервной дрожью наполняли воздух радио:

— Красные банды бегут в беспорядке... Красные бегут... Владычеству комиссаров и большевикам приходит конец... Гидра большевизма издыхает. Перед нами святыни матушки-Москвы. Приказываю:

„Третью западную армию именовать с сего числа 3-й Московской армией. Адмирал Колчак".

В ПЛЕНУ У БЕЛЫХ.

Спят по халупам красноармейцы. Часовые под вой пурги дремлют. Дремлют и не видят, как оживает мгла, как темные фигуры одна за другой мелькают мимо.

Спохватился часовой, но поздно. Схватывают глотку железные пальцы... и крикнуть не успел.

Сняли белые часовых, вошли в деревню. Кое-где затрещали выстрелы. Залились лаем псы встревоженные. Вспыхивают огоньки выстрелов. Звенят разбиваемые пулями стекла. Робко зажигаются в темных халупах огни. Не успел комиссар одеться, — шесть черных дул уставились в лицо.

— А ну, красная скотина, сдавайся!

Потянулся к револьверу, — дюжина рук схватила, спеленала веревками.

Бледным утром выгнали всех на площадь, выстроили.

— Коммунисты и командиры — три шага вперед!

Не шелохнутся ряды.

— А, так? По пять человек рассчитайсь!.. Ну?..

Молчание.

— Сукины дети.— Петров, считай!

— Первый, второй, третий, четвертый, пятый. Первый, второй...

— Пятые номера, три шага вперед.— Стоят, как вкопанные.

— А ну, подгони их... Колют сзади штыки. Вышли обреченные на смерть.

— К стенке! Пулеметом!.. и расстреляли.

Воют собаки над трупами расстрелянных. Жутко, надрывно воют. А колчаковцы гонят поредевшие полки красных. Широкой волной белогвардейцы залили Самарские степи. Загуляли казачьи нагайки по спинам крестьян. Летели в свои гнезда, как злые коршуны на падаль, помещики... А красные отступали...

Свищут плети в Накарякове. Пьяные шатаются по селу колчаковцы.

— А, так ваши красным помогали, ваши с красными ушли! Мы вам покажем.

Вваливаются шестеро в избу.—Где муж?—Не знаю...— Побелевшими губами лепечет молодая бабенка.—Не знаешь? Ну, да ладно, ушел—и слава богу. Нам тебя оставил...

Хватают, валят на кровать. Придушенный крик... Тяжелое сопение пьяных...

...Старуха на улице плачет, ловит, целует руки офицера.

— Ваше благородие, смилуйтесь! Ванятку моего взяли ваши... Четырнадцать лет ему.

— А зачем красных в наш тыл водил?

— Ваше благородие, по глупости он... Малехонький... Несмышленый он...

— Убрать эту стерву! — Пинок прикладом, — падает старуха в сугроб, заливает горячими слезами холодный снег. Прожигают эти слезы сугроб насквозь, всасываются в землю.

— Смотри, сынок, смотри, — шепчет баба малолетнему сыну: — эти вот расстреляли твоего батьку. Запомни, милый...

Свищут колчаковские нагайки и шомпола в Накаряково, полосуя мужицкую спину... Гнется мужицкая покорная спина, а в глубине глаз загорается злоба — глухая, тяжелая.

СНОВА ВПЕРЕД.

— Все на Урал! — Призывом катилось по всей стране. Социалистическое отечество в опасности, — зовет отовсюду со стен красноармеец плакатный.

— „Долой Колчака!"

Комбеды, парткомы, фабрики и заводы Ленинграда, Москвы, Иваново-Вознесенска посылали своих сынов, отрывая их от мирного труда, бросая в кипень боя на раны, на смерть...

Плакат гражданской войны

В городе улицы народом через край налиты. Солнце весеннее пурпур знамен гладит. Медные трубы рвут воздух Интернационалом. И в центре всего — серый четырехугольник: именинники сегодняшние те, что идут на смерть. Много их — только многие не вернутся домой.

— Эй, вас куда? — Перекликаются в рядах.

— В Симбирск! На Колчака!

Золотом червонным хохочет с неба солнце. Брызжут бодростью медные звуки, свиваясь, играя, несутся ввысь. И вторят им груди мощным вылетом ярких слов:

Это есть наш по-след-ний
И решительный бо-ой...

Серая лента ползет к вокзалу. Четко шагают серые люди. Блестками холодными на солнце сверкают штыки. На восток потянулись с красными знаменами рабочие полки.

Дерзко вырвала 27-я инициативу у колчаковцев. Не выдержали натиска белые и стали отходить. Рвались вперед стрелки, проявляя чудеса храбрости.

Конный разведчик крестьянского полка Кузьменко, в бою у деревни N врезался в отходящую колонну белой пехоты и зарубил 10 человек. А у деревни Панеево стрелок того же полка Осипенко разогнал целую роту колчаковцев.

— Держись теперь, колчаковцы, — пополнение пришло.

— Эх, отомстим! За все отплатим — и за вехи, что ставили вдоль дорог из наших трупов, и за Шутова, и за Щеглова.

Вперед несется конная разведка крестьянского полка. С гиком несутся кони, полным копытом черпают пыль и швыряют ее вдоль дороги... А впереди — бегущие колчаковцы. Пешком, на подводах.. Косит шашка людей, горячая кровь течет по лезвию, заливая рукав. Скачут кони — не удержать... Дальше, дальше, туда, в зеленую даль...

Очистили белые деревню. Наша цепь проскочила вперед, не задерживаясь. Залегла в версте от деревни. А в деревне шум. Резервный батальон, штаб полка — по халупам.

— Кушайте родные, — валит хозяйка на стол свежий пшеничный хлеб, сметану: — ну-ка, колачиков свеженьких.

Взапуски жуют красноармейцы, шутками перебрасываются. Будто бы и не было боя совсем. А на поясе подсумки, патронами вспученные. В углу — винтовки.

— Третий взвод, выходи, и в окошко голос: мигом — на улицу.

— На, родимый, на, — сует баба пару колачей красноармейцу.

А тот, с полным ртом, еле говорит „спасибо", запихивая колачи в карман.

Вваливаются через несколько минут новые. Мечется хозяйка.

— Все приели, касатики, все приели... Постойте, в голубце молоко кислое есть.— Тащит молоко, ставит на стол..

Старый Ахмет сидел на завалинке своего домишка и думал:

— Ай-ай, сколько беда пришла. Белые пришли, красные пришли, коней бирали... Совсем плохо... И чего они дерутся. Аллах знает...

По улицам сновали красноармейцы штаба бригады 27-й дивизии. Полки еще вчера ушли на восток. Собирались уходить и штабные. В Байсарово вот-вот должен был притти штаб дивизии.

По улице, теленькая шпорами, прошло двое: высокий, грузный, плотный командир Павлов и курносый, похожий в своей феске на негра, комиссар Петров.

— Ну, что ж, товарищ Павлов, дивизию сегодня принимаете?

— Да, придется с вами расстаться, только что-то 35-я дивизия подозрительна. Командир одного из полков там волком смотрит. Да и N-й полк слабоват. Все там больно уж чиновный комсостав: полковники ротами командуют.

— Смотрите, смотрите, от Айманова в беспорядке цепи чьи-то идут. Наши это или нет?

— Идемте-ка, товарищ Петров, поближе посмотрим.

Навстречу им на взмыленной лошади подскакал комиссар №-го полка.

— Товарищи, выручайте! Один комполка со всем комсоставом ушел к белым, они нас теснят...

— Как теснят! Да ведь белые там, на востоке!

— Нет, они в Поносове десант высадили, говорят, две дивизии...

— Вот тебе и юрьев день. Не успел начдивом стать, как кашу расхлебывать приходится. Ну-с, поручик, тряхни генералами. Идемте ка, товарищи, в штаб..

Байсарово кипело, как муравейник. Беглецы №-го полка разнесли тревогу по всему селу. Обозники торопливо вытаскивали из повозок винтовки.

— Он, батальонный-то наш, капитаном был.. Под утро глядим — пулемет по нам строчит, а его-то у нас и нет. А третью роту ротный так прямо к ним и увел.

— И-ишь, ну накладем им опять Не впервой.

— Эй, товарищи, где у вас штабриг.—На-ходу кричит какой-то молодой кавалерист.

— Вон флаг красный трепыхается,—туда и езжай.

Приезжий повернул к штабу, быстро вбежал на крыльцо и скрылся в избе.

— А, Шарангович,—поднялся навстречу вошедшему Павлов, садитесь, будем толковать. Положение аховое. С востока белые, с севера белые и сзади белые... Давайте выпутываться.

Головы склонились над картами.

— Вы знаете, поставим сюда на тракт остатки №-го полка. Ребята хорошие. Дадим им Зубова командиром. Хаханьян с бригадой пусть грызется с белыми на востоке, а сами будем ликвидировать ударников.

— Идет!

Тогда пишите скорее приказ.

— Эй, Майсюк! По своим командирам бить будем.

— Что ж, и ударим. К ним мы с полным доверием, а они изменили, так пусть сами пеняют на себя...

Тихо притаились стрелки на поскотине байсаровской. Свежеиспеченный комполка Зубов пешком идет вдоль цепи.

— Ну, ребята, покрошим белячков! — Наклоняется он к пулеметчикам.

— А вжеж,— невозмутимо цедит хохол-наводчик.

— Тссс... идут.

Все замерли. Зубов прилег за бугорком. По дороге на подводах беспечно ехали белые. Ближе, ближе... На участке против дороги не выдержали.

— Рота-а-а, пли!

Разорвался щелк залпа... Затарахтели два пулемета... Белые растерялись — попрыгали с телег, кто как кинулись бежать к лесу.

* * *

— Вжж... б-бах — взлетают комья земли.

Артиллерист-наблюдатель в землю врос, не задело. Еще раз, еще раз... Линия не работает.

— Телефонист, проверить, — кричит батальонный.

Согнувшись, побежал по кустам телефонист. Пять минут, — линия все не работает.

— Другого на смену!

Снова мелькает в кустах согнутая спина. Бежит телефонист, позвякивая на боку аппаратом. Линия цела. Из куста — ноги в знакомых ботинках.

— Убит, что ли?

Из куста поднимается сконфуженная рожа.

— Жив.

— Жив, так твою!.. Здрейфил, баба!

Вдвоем — вдоль тоненькой черной нитки кабеля. И снова пищит телефон.

А солнце хохочет раскатисто, горячие пальцы свои колет острыми штыками.

В Ушарове, в белогвардейском штабе суматоха. Захват штадива красных не удался.

— Полковник, что же это такое? Неужели они так быстро сообразили? Ведь весь комсостав вашей бригады

перешел к нам... Кто же там у них остался? Не солдаты же ими командуют?

— Не знаю, генерал! Комбригом у них Павлов — бывший поручик. Аленкин у них есть — мелочь: прапорщик. Ума не приложу...

— Ну, ладно. У нас здесь две дивизии — добровольцы... Офицеров много. Ударим в тыл — врут, краснозадые побегут. А этого Павлова и — как его — Аленького взять живыми и повесить.

Так, „27-я дивизия красных ведет наступление на участки... Представляется возможность, сосредоточив подходящую 4-ю Уфимскую дивизию, нанести решительный удар правому флангу бригады и отбросить красных“... Приказываю“.

Поставил две точки, склонился над картой и задумался. Холеное лицо, подстриженные усики, — не разберешь, седые они или просто белобрысые. Голова лысая, блестит. Змеятся тонкие губы. Ижицей сошлись над переносьем брови. В мыслях: д-да, если дивизию бросим на стык их второй и третьей бригад, направим броневики на Киги... сбросим красных в Белую, в прорыв — конницу... А то поспешили — насмешили.

Ниже склонилась голова. Подвернулись под локоть аксельбанты, мешают. Быстро бегает перо по бумаге...

— Господин полковник, пожалуйте сюда, — кинул в раскрытую дверь.

Вкрадчиво звякая шпорами, неслышно вплыл в комнату толстенький, кругленький начальник штаба.

— Возьмите директиву, разработайте подетальней и — мне на подпись. Обратите внимание на использование броневиков (короткий взгляд на часы); через час чтобы было готово, — через пять часов по дивизиям. Загоните в гроб писарей — сделайте. Удастся — увижу вас в зигзагах...

Щелкнул каблуками полковник, взял исписанный листок бумаги, размазал нечаянно невысохшую подпись. „Генерал Сахаров“ и неслышно выкатился.

* * *

— У-ух — бу-ух!

— У-ух — бу-ух! — Рано утром стали переговариваться белогвардейские пушки. Над Кигами поплыли белые облачки шрапнели. Дождь картечи рассыпался по крышам. Засуетились люди и поспешно стали зарываться в землю: копнет раза два-три лопатой и довольно. А рукой — в подсумок за патронами. Крак—пять патронов в винтовке.

Броневашины Колчака.

С легким лязгом царапает песок отброшенная в сторону обойма. Ждут брянцы...

— Что это? Из-за поворота дороги, из леса серое что-то ползет. Выползло, завертело круглою, плоскою головою и полезло прямо на наших, поливая все кругом из пулемета. Шлепались пули кругом, дырявили тело.

Зубами скрипит командир брянцев. Хотя бы одну нам батарею. Отходить ведь придется...

А за первым серым чудовищем — второе, третье. А над головой то и дело рвутся снаряды, осколками все засыпают. Наши — залпами чуть не в упор. Но что сделает маленькая пуля толстому в дюйм стальному листу.

— Отходить надо!

Быстро откатились наши назад.

С донесением победным скакал ординарец к начливу Уфимской, а оттуда по тонкому, трехжильному проводу прошло донесение к тому, кто бросил в огонь белые полки, — генералу Сахарову.

Брянцы отошли. Брянцев теснят все дальше и дальше — разве можно бросить товарищей в беде.

— Товарищи, брянцам на выручку! — несясь по дор. Леузам, кричал командир волжцев.

Мигом все на повозках. Затарахтели колеса. Верста, другая, третья... Разведка доносит, что белые близко.

С повозок долой — в цепь рассыпались волжцы. Рвутся навстречу рою свинцовых шмелей. Визжат, насмерть кусают. Падают навзничь убитые, ползут, прячась за бугорком и кустами, живые.

Нет, нельзя дальше двигаться. Стала свинцовая горячая стена — не пускает вперед. Залегли, лежат. Политкомы в рядах — зовут волжцев вперед, командир впереди:

— Товарищи, вперед! Това-а..

Пуля заткнула глотку. Брызнул алый фонтан крови из горла. А впереди кусты ожили. Бегут колчаковцы, набегают все ближе, и ближе.

Вертится в помутневших глазах командира Петрова небо, пропадает вдруг солнце, и вечная тьма набегает на глаза. Чувствует он, как его подымают штыки колчаковцев, рвут тело, одежду, но не видят, как его кровь алыми пятнами расплывается по зеленой травке.

— Ишь, сволочь красная, цедит сквозь зубы капитан, ковыряя шашкою в разбитом пулей рту.

А на утро снова бой, снова свист пуль, снова кровь, снова смерть...

Близко сходились цепи, и слышны были крики со стороны противника.

— Сдавайтесь, красные оборванцы!

— Бросайте оружие! — в свою очередь, кричали наши,— бейте своих золотопогонников!

Повеяло прохладой. Все ближе и ближе река Белая. Еще напор, — и колчаковцы будут в воде.

Перед нашими цепями обрывистые берега реки.

ЧЕРЕЗ БЕЛУЮ.

Перейти реку Белую — такова задача. Река большая, шириною в 252 сажени, глубокая и быстроходная. На другом берегу в лесах притаился противник, никаких средств для быстрой наводки мостов не было, а переправиться нужно. Долго ломали головы командир и комиссар дивизии над тем, как бы эту задачу разрешить без больших потерь, как бы обмануть противника. И решили так, в двух местах показать вид, что хотят переправиться: привлечь сюда противника, затем быстро навести мост на плотах и по нем переправиться на противоположный берег в другом месте.

Инженер получил задачу заранее заготовить материалы и все что надо для постройки моста и вести это с собой в специальном обозе в тысячу повозок.

Сказано — сделано. Все приготовили, инженер рассчитал, что для наводки моста ему хватит 24 часа. К намеченному времени, под покровом ночи, подтягивается обоз с материалом, и начинается постройка моста. Противник не замечает наших работ, — он все внимание сосредоточил туда, где наши части маячат у него на глазах, обманывая, что они хотят переправиться.

Проходят установленные для наводки моста 24 часа, и вся дивизия сосредоточивается к месту переправы. Противник ничего не замечает, увлеченный нашей демонстрацией на других участках. Казалось бы, лучшего ничего не надо.

Но все расчеты инженера оказались неправильными мост к сроку не готов. Что делать?

— Товарищи! Нам нужно, во что бы то ни стало перебросится на тот берег, — обратился тогда начдив к своим испытанным бойцам, — моста нет, в нашем распоряжении 2 часа; пока мы не замечены противником, надо переправиться.

Едва замолкли последние слова командира, к реке бросились толпы красноармейцев, командиров и политработников.

— Долой портки! Переправляйся ребята, на чем кто может.

Через нескольке минут вся река покрылась плывущими на отдельных бревнах, пустых бочках, маленьких душегубках и плотах красноармейцами.

Через полчаса батальон был уже на другом берегу, развернувшись впереди и обеспечивая переправу. Через 24 часа вся дивизия наспех устроенными паромами была переброшена на другой берег реки Белой. А через сутки был достроен мост, по нем пошли артиллерия и обозы. А красные бойцы налегке были уже на пятьдесят верст впереди, громя отступавшего противника.

...К нашему несчастью, как мы быстро ни продвигались, как мы ни стремились нагнать белую волну, она, видимо, катилась быстрее нас. Изредка лишь удавалось видеть мелькавшие папахи удиравших казачьих разъездов, а руки, так чесавшиеся по белогвардейцам, недоуменно почесывали собственный затылок.

— Да их на ероплане не догонишь, — и сыпалась отборная, красноармейская ругань.

— Врешь, догоним! Уж и всыпем...

...С замиранием сердца двигаемся все дальше и дальше. Вдали показались черные пятна.

— Что там! Не конные ли разведчики противника?

— Нет, это, должно быть, крестьяне возвращаются с поля...

Вот впереди наши разведчики остановились, прячутся за деревьями, что-то внимательно разглядывают, один отделился и быстро поскакал назад

— Ну, что!

— Противник — в деревне, нас не замечает, охранения его не видно.

Верстах в трех вправо от тракта, на овраге прилепилась своими мечетями д. Усы.

Всматриваемся. Деревня полна войск. За деревней что-то везут.

— Да это артиллерия. Раз-два-три-четыре. Восемь орудий.

Налево под горой тоже деревня, и в ней битком набиты войска. Ясно, что нас не замечают.

Перед д. Усы — бугор, за которым можно удобно и незаметно развернуть полк.

„Командиру батареи немедленно занять позицию для обстрела деревни Усы и артиллерии противника. Полуроте с двумя пулеметами оставаться здесь на горе для заслона со стороны вон той деревни. Остальным частям развернуться, как было указано раньше. Повозкам отъехать верст на пять назад по тракту".

Мигом все вокруг закопошилось; быстро, но бесшумно, как на экране в кинематографе, поскакали ординарцы, посыльные; весело развертываются роты, телефонисты тянут провода, пулеметчики любовно волочат своих „максимок". Вот, в артиллерийскую трубу Цейса, как на ладони, деревня Усы. На каждом дворе, на улицах — везде солдаты, повозки; беззаботно ходят, пощипывая траву, артиллерийские лошади.

Радостно бьется сердце... Вот когда мы вам отомстим... Вскакиваю на лошадь, несусь по цепи развернувшегося полка к правому флангу, чтобы поторопить его с обходным движением.

Все готово.

Бб... у... х! — раздается первый орудийный выстрел; шрапнель разорвалась над самой деревней. Ободренные первой удачей, артиллеристы осыпали муравейник целым градом шрапнели. С первыми выстрелами проснулся заглохший в красноармейцах энтузиазм. Как будто электрический ток прошел по цепям. Неистовое, могучее „ура", — и полк, не дожидаясь команды, ринулся вперед бегом.

В деревне творится что-то невероятное: бешено несутся лошади, опрокидывая повозки, давя людей; тысячи солдат,

объятые паникой, вышли из повиновения начальникам и беспорядочно стреляют, частью разбегаясь куда попало, частью нестройными густыми толгами, бегут нам навстречу.

Тра... та... та... та... — заработали режущим свистом пулеметы по нашим цепям. Кое-где отстали, ткнулись носом раненые, убитые, и теперь уже никакая сила не остановит красную волну. Красноармейцы, не сгибаясь под огнем противника, с несмолкаемыми криками „ура" бегут вперед, не отставая от наших двигающихся рысью лошадей. Вот уже правый фланг переходит овраг и окружает деревню. Наступает решительная минута боя. Одна воля должна сломить другую, одна цепь должна уступить дорогу другой.

Беспорядочный огонь противника достигает наибольшей силы и вдруг разом обрывается. Их цепь заколебалась... опрометью бросилась в деревню.

— Бегут, бегут! — торжествующе понеслось по нашей цепи.

И с новой, удвоенной силой красная волна покатилась вперед.

Я с двумя ординарцами влетаю в деревню. Там уже расправляется с белогвардейцами неизменно оказывающийся впереди, всеми любимый за храбрость начальник связи полка тов. Сыченко. Он успел уже помериться силами с белым офицером, командиром одного из ударных полков, и закончил выстрелом из револьвера „славную карьеру штаб-офицера". Все вместе мы отправляемся по улице забирать пленных, которые в ужасе снуют по задворкам, стараясь спасти свою жизнь.

Вдруг навстречу нам без шапки, с бьющейся на боку полевой сумкой и револьвером в руке, бежит командир полка тов. Пышкало. За ним несколько колчаковцев. Мы кинулись вперед... „Ура!"... Белогвардейцы бегут, сдаются. Тов. Пышкало запыхавшись сообщает, что его окружили; он спрыгнул с лошади и, прикрываясь ею от выстрелов, едва убежал.

Но теперь уже деревня прочно занята. На улицах — горы солдатских шинелей, мешков, ящики с патронами, кухни с дымящейся кашей, целые бочки сахарного песку, масла и т. п. Красноармейцы равнодушно пробегают мимо заманчивых трофеев, наскоро жадно глотают ковш воды и бегут дальше.

Комендантская команда уже собрала откуда-то толпу пленных, а впереди деревни победно отбивают дробь наши пулеметы.

Прискакал весь сияющий ординарец и, захлебываясь, докладывает:

— Тов. командир, взяли трехдюймовку, пулеметы!

Трофеи считать некогда, надо до конца развивать успех.

Бегущие, слабо сопротивляясь под нашим напором, начинают десятками, сотнями бросать винтовки. По дороге сплошной вереницей валяются сумки, фляги, погоны, вещевые мешки, английские штиблеты. Все поле покрыто брошенным имуществом, оружием, патронами и снарядами. Мы уже без всякого сопротивления гонимся за ними, забирая все больше и больше пленных...

Упоенные победой, красноармейцы отдыхали.

С рассветом все точно вспомнили, что дело не закончено; сразу встрепенулись, и горячка погони началась с новой энергией.

Впереди помчалась догнавшая полк конная разведка; за ней на подводах рысью пешая разведка, и сзади пешим порядком остальной полк... Бодро и весело шли красноармейцы вперед. Теперь только нашлось время обменяться боевыми впечатлениями и оценить общий успех.

Посыпались рассказы об отдельных стычках, остроты и расспросы... Почти весь полк получил „подарок от Колчака“ — великолепные английские шинели, штиблеты и разные другие предметы. Красноармейцы успели уже нарядиться во все эти обновки, и только красные ленточки отличали их от пленных.

Мы досадовали на нашу батарею: удачно вступив в бой, она быстро потеряла не только цель, но и вообще свой полк, проплутала где-то всю ночь; несколько посланных за ней ординарцев не могли ее найти, и только под утро она подтянулась к полку. А ее работа могла на много увеличить наши трофеи и количество пленных...

Словоохотливые пленные в радости, что остались живы, рассказывали, как целую зиму их обучали в Екатеринбурге, считая их образцовыми частями. При торжественных многолюдных проводах на фронт один из „высоких" генералов, обращаясь к ним в своей речи, провозгласил, подобно Наполеону:

— Солдаты, на вас смотрит вся Европа. Вы должны решить участь нашей дорогой родины.

Среди пленных много солдат „Бессмертного полка" с серебряными нашивками на рукавах, изображающими череп и скрещенные под ним две кости.

Красноармейцы наперебой острят:

— Ударили, да прямо в Белую.

— Поезжайте теперь в Екатеринбург и расскажите, как вы ударили и покрыли себя бессмертным позором. Только шопотом рассказывайте, чтоб Европа не слыхала.

— Ха... ха... ха! вот так ударники! Веселые ребята.

ЗЛАТОУСТ — ПАРАД НЕ УДАЛСЯ

Урал был освобожден и возвращен законным хозяевам страны — рабочим и крестьянам, а красная лава с уральского гребня катилась в равнины Сибири...

* * *

— Р-равняйся, чортова кукла!.. Стоишь, словно баба рязанская! Головы выше, татарва!

Щелкнули зубы под ударом увесистого кулака. Мотнулась кверху скуластая голова.

— Легче на поворотах...—буркнул в задних рядах кто-то.

— Что-о-о? Кто сказал! Карпов, выйти из строя...

— Это не я, господин поручик!..

— А кто? — вперились глаза офицера в побледневшее лицо.

— Кто? Н-ну!

Сверлят глаза, заглядывая на дно души, нащупывая там сокровенные мысли.

— Не скажешь? Заговоришь, сукин сын...

Изящная перчатка мелькнула в воздухе раз, другой, третий. Два пятна заалели на щеках, брызнула кровь.

— Опять не скажешь? Фельдфебель, на гауптвахту его мерзавца! Большевизм разводить, а? Я вам покажу...

Затихли ряды, замерли, не шелохнутся. Перед ними пузырятся галифе, золотом поблескивают погоны, а на погонах — вензель АФ и корона.

Буйный галоп медных звуков на правом фланге.

— Пара-ад! Сми рно! Ш-шай — на кра-ул!

Четко лязгнули винтовки. Над головами — светлый пунктир штыков. Ближе, ближе топот копыт. Замер поручик перед своим батальоном. На тяжелом рыжем коне подскакал генерал. Золотом переливаются плечи, распущена на груди синяя лента. Белый крестик выглядывает из-под подбородка.

— Здорово молодцы! — генеральский жирный зык разнес кругом ветер.

— Здра-хла, ваше-дит-ство! — собачьим лаем раскатился ответ.

Что это? Выстрелы? Ветер шумит?

Донеслась с севера пулеметная дробь. Ближе, ближе. Посерели лица офицеров. Неужели красные? Откуда? Ведь они еще далеко. Дорога одна, и сил там достаточно: сдержат. Дорог больше нет. Есть горные тропки через хребет: там добровольцы пути прикрывают. Да и как оттуда красные придут? Не на крыльях прилетят.

Расхлынулась по тротуарам толпа. На взмыленной лошади скачет всадник; трехцветный шеврон на левом рукаве — доброволец. Шапка где-то осталась там, позади. Хлещет нагайкой мокрые конские бока.

Доскакал. Лязгнули в последний раз подковы о камень, всадник — руку к козырьку.

— Ваше пр-ство! противник наступает с севера, со стороны Зверева. Добровольцы 23 часа ведут бой и отходят. Нет сил задержать. Бой — в двух верстах отсюда. Не дадите поддержки — прорвутся. Мы посылали донесение, — наверное, запутались посланные. Провода все перерезаны.

„Красные в двух верстах, красные в двух верстах",— шелестит в толпе.

Хмурится генерал:

— Полковник, возьмите бригаду, поддержите отступающих. Если ворвутся в город, придется опять отступать. А ведь, вы знаете, красавец Урала — Златоуст — не эвакуирован. Тут 3 миллиона пудов стали, 2 миллиона пудов угля. Сейчас же отправляйтесь, с парада людей возьмите...

Резкий голос команды.

Улицы — словно выметены: ни души. Колонны путаются, крики, ругань.

— С корабля на бал, — пробует острить какой-то капитан, криво улыбаясь.

Поздно. Уже на окраинах города свистят пули. Отступающие добровольцы прячутся за углами. Скачет всадник, хрипит:

— Ворвались! — И камнем падает наземь.

Кровь широкой струей хлынула из горла, заливает серебро погон...

— Мать их перетак!— со злобой ругается фельдфебель и с размаху всаживает штык в спину стоящего перед ним офицера.— Продали, сволочи. Айда, ребята, к красным!

— Красные в городе! Красные в городе! — несется по улицам.

Льются, перекатываются по переулкам волны людские. Суровый Косотур-гора зеленью празднично расцвел. Закричали криком медным заводские гудки. Черные руки, в копоти горна окрашенные, сегодня на улице. Нет сытых... Они там, за цепями отступающих белых.

Красные в городе...

„ЗА ЧЕЛЯБУ".

Челябинск был взят лихим налетом Волжского полка. Вся дивизия была собрана в кулак и сосредоточена на ближайших подступах к городу с востока. Штаб дивизии разместился в городе. Противник, собрав превосходные силы, перешел в яростное наступление на Челябинск. Грудью встретили полки врагов. День и ночь сменяя атакующие колонны, противник вел атаки на город. Бойцы стойко отражали все попытки врага, неся потери и напрягая последние усилия. Все резервы были введены в дело. Ждать помощи от своих не приходилось, — наши соседи были еще далеко и могли подойти к нам только через 2-3 дня...

Высоко над горизонтом, по безоблачному небу катилось солнце.

Куда глазом ни кинь, кругом бесплодная земля, холмами и пригорками спускающаяся к городу. На буграх и пригорках лежат красноармейцы Волжского полка, как кроты зарывшись в нагретую землю.

По бездорожью, напрямик к цепям, мимо заводов с трубами уходящими ввысь, и каменноугольных шахт с вышками из земляной породы — крестьянские лошаденки тянули скрипящие телеги с грузом патронов, хлеба и воды.

— Н-ну, тяни-и! — изредка выкрикивали громко возницы — уфимские крестьяне.

Вдоль цепи к левому флангу медленно шагал командир Волжского полка „Трубка", — так прозванный потому, что не выпускал трубки изо рта. Дойдя до средины цепи

„Трубка“ остановился, окинув пытливым взором местность, прилег на землю тут же рядом с красноармейцами, громко спросил:

— Ребята, как дела, и чего тихо?

— Слухай, „Трубка“! Хлопцев думки и тоска по дому и семье как бы мутить начинают. Тревожат думки эти самое сердце, як едкий дым глаза, — доложил искренно красноармеец Степко, глядя прямо в глаза своему командиру.

„Трубка“ понимал и без откровенных слов Степко, что устали волжцы. Думки по дому могут охватить мозг, как короед дерево. И, привстав на колени, „Трубка“, нахмурившись, крикнул:

— Волжцы, песню! Нашу волжскую, родную! Соловей, запевай!..

Соловей, откашлявшись, затянул, краснея от натуги:

Волга! Волга! весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной,
Переполнилась наша земля...

И все, словно от сна пробужденные, дружно подхватили пропетое.

Ветерок с прохладой катил песню через ширь долины до белых казаков, обложивших город тесным полукольцом. Пели красноармейцы, пока солнце не опустилось за далекий лес. А закатилось солнце за лес, — все затихло.

Шестую ночь чутко лежали волжцы, не смыкая глаз и не разводя костров.

Ночь прошла спокойно.

С восходом солнца из-за синеющего вдали леса грохнули орудия. И вдруг перед волжцами пятью фонтанами земля взметнулась на воздух.

Над городом рвались шрапнели. Гудели тревожно заводские гудки. Церковные колокола протяжно выли, далеко разнося свой медный гул. По улицам толпами шли

сутулые рабочие со своими женами. По тротуарам бежали босиком взлохмаченные, бойкие мальчишки.

На площади митинг. С трибуны, надрываясь, кричал комиссар:

— Товарищи и граждане! Слышите, что творится. На волжцев брошены свежие силы казаков. До врага — рукой подать! Ежели они еще поднажмут, мы не выдержим. Возьмите оружие, и влейтесь в наши ряды!..

Люди, почерневшие от копоти, слушали молча, опустив головы. Кругились могучие груди от глубоких вздохов. Сердца бились чаще.

На трибуну, расталкивая локтями, из ближайших рядов протиснулся человек. Разогнулся, поднял голову, и все узнали забойщика Егорку. Егорка, глядя вперед, кряду громко крикнул:

— Товарищи-и и братцы-ы! Беде народной отпор давать надыть. Не дадим — зажмут опять нас. Товарищи! — рухнем на врага обвалом. Лучше с оружием в руках умрем за Челябу! — закончил Егорка, потрясая правой рукой.

— Оружие! Оружие дайте нам! — громовым откликом все отзывались на слова Егорки.

Раздавались наспех винтовки. Брали их крепкие парни, мужчины пожилых лет и женщины-работницы.

— Прощай, не пропаду, вернусь... — говорили мужья, расставаясь со своими женами, и отцы — с детьми. У некоторых по суровым возбужденным лицам невольно катились крупные прозрачные слезы, и грустью смотрели глаза. Через два часа вооруженные отряды рабочих поспешно шагали на помощь красноармейцам.

— Гей, робята!.. Родные братишки на помощь пришли! — крикнул „Трубка" с такой силой, что лежащий рядом здоровенный, дворовой породы, лохматый пес залаял.

Сомкнулись рабочие отряды с повеселевшими красноармейцами. Лицом к лицу стояли Егорка и „Трубка".

— Волжцы, теперь вперед! — скомандовал „Трубка".

И ринулись вперед красноармейцы, как бы и потерь не было. А за ними отряды рабочих.

Впереди всех „Трубка" с Егоркой.

Как вышли на просторы холмов и пригорков, встретил их противник пулеметным и ружейным огнем. Редели ряды шахтеров, шедших в бой кучками, не сгибаясь, словно на работу.

Неожиданно вправо затрещал еще пулемет. Птицами взметнулись красноармейцы Билал, Соловей и Степко и прямо на пулемет, подрезающий людей, что траву косец. Не добежав шагов за сорок, метнули все разом гранаты. Взрывом рвануло воздух и окутало дымом умолкнувший пулемет. Фланг был обеспечен. Но не уцелели и храбрецы.

— Прощай, братцы! — вскрикнул Соловей и, с раскрытым ртом, носом ткнулся в землю.

Взмахнув руками, грохнулся и Степко. Подрезанным колосом свалился и Билал.

— Вперед, вперед!.. — кричал „Трубка", — закладывая в маузер новую обойму патронов.

Холмы и пригорки покрывались стонущими и ахающими от ран людьми в серых рваных шинелях, кожаных куртках и мешковатых блузах. Кровью насыщалась земля. Задыхаясь и хохоча смерти в глаза, шли остальные вперед за Челябу, за уголь, за власть.

Белые не выдержали напора и покатились на восток.

ПОЙ, КОЛЧАК, ПОЙ...

— В чем дело? Какие новости?

— Белые близко... В трех верстах... Завтра бой будет...

В батарее много молодняку. Нервничают, голос срывается.

— А что, ежели сейчас бахнет? подтрунивают „старики" над молодыми.

— Эх, вы!.. Что с вами будет, когда завтра под шрапнель попадете... В штанах мокро станет... Не успеешь „цикория ломать".

Пой, Колчак, пой,
Челябинск не твой.
Скоро Омска тебе не ви-да-ать...

выводит заливистый тенор.

— Брось, Кузьменко, орать! Раздразнишь колчаков — дыхнуть не дадут...

— Гляди, гляди, шевелятся в кустах. Наверно, в атаку пойдут...

— И то, атака. Никак шестая подряд. Ну и черти... Не иначе — добровольцы.

От кустов поднялись цепи белых. Маленькие фигурки, полусогнувшись, перебегали с места на место, все ближе и ближе. Трещали выстрелы, и над головой взвизгивали пули. Резкий свисток комроты. Четкая команда: — По наступающей цепи, прицел, — рота-а-а — пли!.. Рота... — пли!...

Н-а-ах — вздыхали винтовки. Маленькие фигурки падали, снова подымались и бежали... Все ближе и ближе.

— Справа часто — начинай-ай!..

Красноармейцы торопливо щелкали затворами, выстрелы мешались друг с другом.

— Эх, пулемет бы... И в ответ справа застрочил наш пулемет. Белые цепи замялись... Минута-другая, — и они повернули назад.

— Айда за ними!..

— Ах, дьяволы, — выругался Кузьменко, на минуту останавливаясь. Смотри, как нашего комиссара изуродовали, каиновы души.

Под кустом лежал в одном белье комиссар Филиппов. В глазу торчал штык, уши обрезаали, вся грудь в крови.

Вверху что-то взвизгнуло и ахнуло. Словно град посыпался на землю. Еще раз. Еще раз, еще раз... Шрапнель.

А „крестьянцы" пробежали кусты, выбежали на опушку.

— Стой! Ложи-и-и-сь!.. Камнем упали стрелки. Заработали лопатки, и скоро перед каждым выросла кучка сырой земли.

— Ф-фу! Упарился. Теперь покурить можно. Эй, Данилов, дай-ка огонька. Видал, как нашего Филиппова разделали?

— Ладно! — отольются волку овечьи слезки. Отомстим...

Крестьянцы, поддержанные другими частями, перешли в наступление. Невельцы в бою, невельцы в огне.

— Гей, ребятки, держись! — кричит командир Акулов, перебегая по цепи.

— Держись, ребятки! Помните, как брали Златоуст! — раздается его голос. За бугорком пулеметчики прикурнули. Акулов — к ним:

— Держись, братва!

А впереди — кусты оживают. Белые — цепь за цепью в атаку.

— А-а-ах! Пулеметчик как-то неловко, боком, свернулся, лежит. Акулов — к пулемету. Прилег. Схватил рычаг...

— Та-та-та!.. — сразу видна мастерская рука. Недаром Акулов был когда-то пулеметчиком. Огненным проливнем секут наши и вражьи пулеметы...

— Что там такое? Захлебнулся наш пулемет, затих. Нашла шальная пуля того, кого искала.

Подвернув под себя руку, пластом лежит Акулов. Черная дырочка во лбу, такая маленькая. Пузыристая, розовая пена, и тоненькая, тоненькая струйка крови катится по загорелому лбу и теряется где-то в пыли.

— Акулова убили, командира убили, мигом разнеслось по цепям.

— А-а, так. Ура-а-а!!.

Наши цепи встают и идут вперед...

НА ТОБОЛЕ.

... Белые и красные стали на берегах Тобола. Река омертвела. На заре привычными тропами не тянулись стада к водопою.

Скрылся человек...

Обезлюдевшие деревушки набережных сел, ежась соломенными крышами, ждали своей участи.

Война черными обуглившимися остовами сожженных мостов, как траурными повязками, перехватила Тобол...

Только невидимые на серо-рыжем фоне сентябрем ржавевшей степи, зарывшись в землю или подкопавшись под повернувшиеся спинами к реке амбары, зорким глазом буравили вражеский берег наблюдатели.

Тобол метнулся стальной лентой по степи и, тихо струясь, уходил в теряющуюся даль.

Мы занимали берег у села Черемуховского. Мертвыми безлюдными впадинами на противоположном берегу зияли окна Нечаева.

Так тянулось с день, другой, третий, а затем, как-то неожиданно, поутру на том берегу появилась баба с коромыслом.

Баба в пестрой с многотысячными складками юбке и оранжевом платке...

Подошла к воде, подобрала юбки, взбрела по колено, набрала воды и, не торопясь, исчезла между хатами...

Огорелые часовые и смекнуть не успели, как берег Тобола опять погрузился в мертвую тишь.

Стосковавшимся по людям, по хате, женской улыбке и многом ином часовым долго мерещилась оголенная выше колена женская нога в шевелящейся рамке многоскладочных юбок.

Эх, кабы... да, поэтому никто и не стрельнул...

День ото дня, на заре и к закату, появление из Нечаева баб за водой участилось.

Неторопливо появлялись из-за изб то в одиночку, то группами, озираясь, набирали воды и, пользуясь рыцарским отношением нашего берега к женщине, столь же неторопливо уходили...

Не одному часовому чудилось, что водоноска улыбнулась ему. И эта воображаемая улыбка по молодому креп-

кому телу долго разливала истому, от которой не хотелось стрелять...

Как-то поутру врывается ко мне в предбанник вездесущий и всезнающий Тимка и гудит:

„Так что за водой ходят не бабы, а мужики... Омман всамделишный".

— Как так! — я забыл и про мыло.

— Да так! Взял я твоего бинокля и думал, — дайко-сь тот берег прибликжу, на девку погляжу.. Как глянул... Ох ты, светы! У девки-то борода и усы полотенцем обмотаны... Глянул на другую, — а у того усищи, что у моржа, топорщатся, а морда-то, что ни на есть урядницкая... словно кирпичом чищена.

„Ах, вот какие водоносы, думаю, а мы тут все сакони распустили"...

Выбрался из бани, а среди красноармейцев разговору-то только и есть, что у Нечаева усатые бабы за водой ходят, все выглядывают, а наши часовые на них, как на девок, зрачки пялят... Рачьше невдомек было, а как Тимка заприметил, многие разглядели..

Срамота.

Не стерпел, да и передал на телефонную станцию „Если к закату или на заре появятся за водой опять переряженные белые — брать на мушку, да чтобы без промаху..."

Десятками гудков и писков в телефонных трубках покатилось распоряжение по нашим постам и заставам.

На оскорбленном наглым обманом берегу даже в телефонных трубках клокотала обида...

Берег готовился вымстить злобу...

Смеркалось.

Над рекой потянуло вечерним холодком. Легкой дымкой повис туман...

На-за окраинных изб вынырнула баба и по косой тропинке спустилась к воде.

Все, как и раньше...

Набрала воды, встряхнула юбками и повернулась в обратный путь.

С разных пунктов, почти одновременно, гулко стукнули выстрелы, и, когда баба, раскидав ведра, взметнула руками, раскат дружного хохота в бойницах нашего берега заглушил еле уловимый женский... да, женский, вскрик с того берега,

Или почудилось...

Нет... На сей раз за водой пошла женщина...

Когда берег стал расплываться в вечернем полумраке, на нечаевском берегу кто-то, охая, убирал недвижное пятно с тропинки... Звонко прогудело пустое ведро, неосторожно задетое коромыслом, и тишина опять повисла над Тоболом.

Только на дальнем краю деревни до поздней ночи голосила старуха, как видно, по своей ненаглядной... В ее причитаниях разобрать можно было только одно слово — Танкша...

Танкша расплатилась за коварство белых, а белые с Того вечера на берег ни ногой.

ОТЕЦ И СЫН.

... Огненный шар выкатился из-за земли, разорвал на реке серую занавеску. Спирька чихнул, выполз из лощины. На другом берегу стояли во весь рост два офицера, махали белыми платками. Караул поднялся на ноги, протирая глаза, и, кашляя, уставился на белых. Мотовилов говорил Петину.

— Сейчас я их возьму на-пушку. — Офицер громко крикнул через реку.

— Здорово, мицы.

— Зд, авствуй, здравствуй, погон атласный! — сипло ответила лоснящаяся кепка над смуглым треугольником помятого сном лица.

— Здравствуй, здравствуй, — передразнил Мотовилов.— Разве так повоенному отвечают? Не видите что ли, что с вами подпоручик разговаривает. — Красные засмеялись дружно рявкнули.

Здравия желаем, господин поручик!

— Ну вот, это дело; видать, что минцы народ вежливый.

— Да, уж минцы лицом в грязь не ударят. Го-го-го!— Мотовилов злорадно улыбнулся.

— Ну, конечно, Минский полк, 27-я дивизия, всегда против нас. Интересно, где 26-я? Сейчас попробуем, не клюнет ли?

— Эй, друзья, а как товарищ Гончаров[1] себя чувствует?

— Так он не наш.

— Знаю, что не ваш, а 26-й, да, может быть, вы недавно видели его?

— Видать, как не видели. Вчера в Ключах встретились.

Ага, штаб 26-й вчера был в Ключах, рядом, значит, и эта обретается. Отлично, — говорил вполголоса Мотовилов.

— Ну, а что товарища Грюнштейна[2] давно не слыхать?

— О, Грюнштейн теперь шишка большая!

— Хватит, ясно, как апельсин — 26-я и 27-я дивизии 5-й армии. Можно донесение писать.

— Что, господа офицера, сегодня не воюем? — спросили красные.

Петин тонким голосом крикнул.

— А что, разве вам охота подраться? Я сейчас прикажу открыть огонь.

Минцы замахали руками.

---

[1] Военный комиссар 26-й дивизии

[2] Член революционного военного совета 5-й армии

— Нет, нет, сегодня можно и отдохнуть.

Офицеры пошли к своим цепям. На берегу вышел из кустов белый караул. Враги стояли некоторое время молча. Широкоплечий унтер-офицер, с черной бородой, хлопнул рукой себя по боку.

— Спиридон, мерзавец, это ты? — Спирька сразу узнал отца.

— Я, тятя, я.

Красные и белые, с глазами, разгоревшимися от любопытства, смотрели на отца с сыном.

— Это, значит, на отца сынок руку поднял? А? Ты ведь доброволец, щенок?

— Доброволец, тятя!

— Я его дома оставил, думал, матери по хозяйству поможет, а он вон што, против отца пошел!

— Не я, тятя, супротив вас пошел, а вы супротив меня, суаротив всего народу с офицерьем сбежали, в холуи к ним записались! — Отец вскипел.

— Ты поговори у меня еще, молокосос! Сию же минуту переходи сюда! Бросай винтовку! — Спирька засмеялся, потрепав себя рукой пониже живота.

— А вот этого не хочешь, тятя? Хо-хо-хо!

— Го-го-го! Ловко Спирька, отца угощаешь! — загоготали красные.

Чернобородый задыхался от гнева.

— Прокляну, Спиридон, опомнись!

— Нам на ваше проклятье начихать, тятя!

Отец высоко поднял руку.

— Так будь же ты проклят, руку на отца поднявший. Не сын ты мне больше! Проклят ты, проклят вовеки...

— А ведь не пальнешь в тятьку-то, Спирька, чать жалко?

Кровь бросилась в лицо Спиридону. Он вспомнил, как отец всегда с базара привозил ему пряники, вспомнил, как тот мальчишкой часто таскал его на руках, учил ездить на лошади, провожал с ребятами в ночное.

— Доброволец он, за буржуев, не отец он мне. Проклял он меня. Не отец, так не отец. — Спиридон для чего-то старался заранее мысленно оправдать себя. Сын быстро щелкнул затвором, стал на колено и выстрелил. Пуля сшибла у отца фуражку. Отец трясущимися руками поднял свою винтовку, ответил сыну. Красные и белые молча наблюдали за борьбой. Чернобородый совсем растерялся, стрелял не целясь, винтовка плясала у него в руках.

— Сынок, — бормотал он, досылая патрон, — сынок, хорош сынок... — Спиридон с четвертой пули распорол отцу бок. Унтер-офицер вскрикнул, комком свернулся на земле. К раненому подбежали санитары.

— Будь проклят ты отцеубийца! Отцеубийца проклят, проклят, хрфлфрихррр, — кровь пенилась в горле и во рту Хлебникова. Спиридон с остервенением стрелял в санитаров, поднимавших отца на носилки. Красные отняли у него винтовку.

— Стой, дьявол, из-за тебя бой еще поднимется.

Братание и разговоры шли по всей линии на участке 27-й дивизии. Белые, смеясь, кричали:

— Как, неприятели, переводчиков нам не нужно, и так сговоримся? — Красные гоготали, орали в ответ:

— Мать вашу не замать, отца вашего не трогать, сговоримся, чать! — Толстяк Благодатнов стоял, засунув руки в карманы брюк...

— Земляки, какой губернии? — кричали в другом месте

— Московской!

— А вы?

— Мы-то?

— Да!

— Мы, Вятской!

— Так и знал, что либо Вятской, либо Пермской: самые колчаковские губернии!

— Товарищи, айда к нам!

— Нашли дураков!

— Валите к нам!

— У вас хлеба нету-ка!

— Хватит! Сибирь заберем, хватит!

— Не подавитесь, товарищи!

— Ни черта, скоро на Ишим подштанники стирать вас погоним...

* * *

... Молодой комиссар батальона пытался распропагандировать белых.

— Товарищи, за что вы воюете? — спрашивал он. Звук его голоса громко раскатывался по воде.

— Воюем, чтобы всех комиссаров переколотить!

— Что вам комиссары плохого сделали?

— Грабители!

— Кого они ограбили?

— Всех разорили! житья от них нет! война из-за них!

— Почитайте ка вот наши книжки, — красноармеец, засучив штаны, полез в воду.

— А вы посмотрите наши! — Навстречу ему спустился с крутого берега худой татарин. Тобол в этом месте был очень мелок. Враги сошлись на несколько сажен, перекинулись свертками газет и брошюр. На реке стоял разноголосый, раскатистый шум. Сотни людей кричали одновременно.

Полковник Мочалов разрешил солдатам разговаривать с красными, вполне полагаясь на них, как на добровольцев. Полковник питал некоторые надежды на разложение частей противника. Но, увидав, что толку из этого крика выходит мало, он приказал прекратить братание. Две батареи, неожиданно, рявкнули сзади, тучки шрапнели брызнули на красных свинцовым дождем.

— Что, буржуи, словом не берет, давай железом! — Красные быстро легли в окопы.

— Не пройдет номер, господа хорошие, мордочки вам набьем! Набьем! Набьем, белым гадам!

Белые солдаты неохотно открыли огонь из винтовок Братание всколыхнуло у многих воспоминание о германском фронте, соблазн немедленного окончания войны был очень велик. Тобол гремел, стучал, свистел...

„УФИМСКАЯ СТРЕЛКА".

... Ночной дозор остановился на кладбище. Солдаты, прислонившись к ограде, курили, разговаривали вполголоса. Высокий рябой уфимский татарин говорил молодому сибиряку Павлу Карапузову:

— Слышно, брат, красные бульна близка подходит. Абтраган [1] нам всим будит.

— Чего ты плетешь, Махмед? Какой абтраган? За что меня красные бить будут, если я насильно мобилизованный? Да я только до первого боя, сам к ним перебегу.— Махмед недоверчиво крутил головой, сосал цыгарку.

— Уфимский стрелька, красный не берет плен. Уфимский стрелька абтраган. — Карапузов убежденно возражал

— Возьмут, брат, красные возьмут.

— Уй, красный Рассею бирал. Сибирь забират, как быть с ним? — Вспышка цигарки освещала рябое скуластое лицо татарина с черными щетинистыми усами

— Муй брат китайска поход ходил — тирпил, японска война ходил — тирпил, германска война с сыном ходил. лошадкам отдавал — тирпил, ну русскай свобод никак, говорит, тирпить невозможна. Эта красный свобод сарсем всих разорял. — Молодое пухлое лицо Карапузова насмешливо улыбалось.

— Зря ты, Махмед, говоришь, красные только буржуев разоряют. Буржуям они, верно, спуску не дают. Конешно, если у тебя брат буржуй, так ему красных не нужно, для него они плохи. А тебе што? Ты буржуй што ли? Нет ведь?

[1] Смерть

— Уй, брат, боюсь красных, абтраган.

— Чудак ты, Махмед, потвоему выходит — белые лучше для тебя?

— Мы белый не видал, не знаем. Белый у нас мало стоял, отступал.

— То-то и дело-то, кабы ты знал их, так тогда не говорил бы так.

Плакат гражданской войны.

Недалеко раздался сухой короткий треск, точно кто-то быстро стал ломать ветки деревьев.

„Диу, дзиу, джиу, дзиу", запели над головами говоривших пули.

— Эге, это наши,—сказал Карапузов.

— Какуй наши, то красный.

— Ну, да, красные, вот я и говорю наши. Ты думаешь, белые, что ли, наши? На кой чорт сдались мне эти кровопийцы. Язви их душу.—Торопливо, захлебываясь, застучал белый пулемет. Ему вторил частый, беспорядочный огонь винтовок. Сзади деревни глухо и тревожно ухнуло дважды дежурное орудие, и снаряды с воем и визгом полетели в серую мглу предрассветных сумерок.

„Джиу, дзиу, диу", редко, но уверенно свистели пули красных. Два орудия белых изредка посылали из-за деревни свои снаряды, но в их вое и визге было больше жалобных, плачущих ноток, чем злобы и силы. Ружейная и пулеметная стрельба не ослабевала. Бой разгорался.

Карапузов забрался на кладбищенскую изгородь, долго вглядываясь в мутную даль зимнего утра, вертел головой, прислушивался к звукам боя.

— Махмед, айда к красным, — спрыгнул он на землю.

— Уй, баюсь, брат. Абтраган. — Лицо у Махмеда вытянулось, глаза со страхом прятались в землю, голова опустилась. Карапузов схватил татарина за рукав, с усилием потянул к себе.

Айда, Махмед, ты ведь не буржуй, чего тебе красных бояться. Айда! — Щеки Карапузова, полные, розовые, круглыми пятнами стояли перед уфимцем.

— Мулла наш бульна пугал красным. Присяг бирал с нас.

— Ну и чорт с тобой, уфимская стрелька, шары твои дурацкие, язви тебя. — Сибиряк плюнул. Снял с винтовки японский штык, отточенный на конце, не торопясь срезал себе погоны.

— К чорту, довольно! — Две зеленых тряпочки полетели в снег.

— Ай! Ай! Ай! — Татарин хлопал себя по боку, качал головой.

— Ай! Ай! — Снова примкнутый, штык мягко щелкнул пружиной. Не взглянув на рябого, Карапузов закинул за плечи винтовку, пошел в сторону усиливавшейся перестрелки.

... Казачий поселок. В избу входят двое — высокие в тулупах. Садятся. Старуха хлопочет у печки. А за печкой три пары молодых испуганных глаз: три казачки.

На столе белая скатерть. На скатерти миски, блюда. Все, что имела, поставила старуха на стол. „Авось красных задобрю, — не тронут".

— Ну, что ж, комиссар, будем ждать?..

— Да, подождем!

Молчание. Старуха у печки: словно бы красные, как и все. Нет ни рогов, ни хвоста, а молчат; что у них на

уме — только богу известно. Поп говорил, что красные — воинство бесово. Страшно, а вдруг...

— Ну, что ж, начнем! — басом сказал командир, подымаясь...

— Господи боже! Вот оно началось.

С воем кинулась баба в ноги. Трое из-за печи за нею.

— Батюшки, не троньте! Голубчики, ради Христа!

Стоит командир, опешенный

— Да что вы? Да что с вами, бабка?

Не слушают бабы, голосят.

— Что за чорт, комиссар? Ничего не понимаю. Может, ты разберешься, что с ними.

Хохочет веселый комиссар.

— Бабка, не тронем. Ну что мы из тебя, консервы делать будем, что ли? Не людоеды же мы.

Видит старуха: не трогают. Насмелилась — встала с пола. А одна, молодая, хихикнула тихо в рукав — смешной уж очень командир. Ростом — верста, и стоит, расставивши руки и глаза выпучив.

— А нам батюшка говорил, что вы как придете, так нас резать будете...

— Ах, дьявол поп, что наплел... Да я сам казак. И цел, служу. Садитесь-ка с нами, с сахаром чаю попьем.

МЕДВЕДОВКА [1].

Колчаковцы с боями отходили на восток. В один из таких дней нашего наступления в полк прибыл комбриг т. Хаханьян и сообщил, что полку до темноты придется еще сделать верст 20, причем в тыл противника...

Получив приказание, я быстро собрал полк и двинулся по указанному мне маршруту на север. Прошел верст 15, стемнело. Переночевав, пошли дальше и, пройдя 6—7 верст, на окраине д. Медведовки напоролись на противника.

---

[1] Из воспоминаний тов. С. Вострецова.

Я быстро развернул полк, батарея открыла огонь по противнику, и через полчаса коротким ударом деревня была занята полком, причем захвачено до 40 пленных и 2 пулемета.

Из опроса пленных было установлено, что д. Медведовку занимал штаб полка противника с одним батальоном, а другие батальоны этого же полка в 7—10 верстах на запад от деревни стояли на позиции.

Комдив 27 т. Вострецов
Участник всех боевых походов дивизии, имеет 4 ордена Красного знамени.

Пройдя деревню и отойдя от нее на север примерно на полторы версты, я вдруг услышал несколько ружейных выстрелов со стороны д. Медведовки.

Через 5—10 минут подскакивает ко мне оставленный в деревне комендант полка.

— Одиночная стрельба производилась по двум всадникам. Оба всадника захвачены в плен, а один из них, раненый офицер, лежит на дороге у деревни и громко орет: „Дайте мне командира полка красных — у меня имеется секретное донесение", — доложил мне комендант.

Я вернулся и подъехал к раненому офицеру. Он подал мне смятую бумажку, в которой было написано:

„Согласно вашему приказанию батальон выступил в дер. Медведовку. Комбат штабс-капитан Митин".

Думаю — сейчас придется встретить батальон колчаковцев. Видимо, комполка белых вызвал свой батальон для помощи, а я со своими волжцами не дал ему времени изменить приказание.

Через полчаса мой резервный батальон вернулся в Медведовку и залег за плетнем, кустами и избами по обеим сторонам дороги.

Залез я на ветряк, вижу — верстах в четырех пылит колонна. Колонна остановилась и выслала вперед двух кавалеристов. Конечно, они были захвачены в плен.

— Кто это идет?

— 3-й батальон 46-го полка. Комбат выслал нас разведать, кто в деревне: стрельба подозрительная была...

У моего адъютанта была офицерская гимнастерка с погонами. Я сейчас же ее надел и с двумя своими ребятами пошел навстречу противнику.

Через версту я встретил конного ординарца.

— Что же вы, черти, — стоите! — закричал я, — какого дьявола комбат не ведет батальон в деревню?

Ординарец растерялся, а я ему:

— Я командир 5-й роты 46-го полка. По приказанию командира полка прикажите командиру батальона, штабс-капитану Митину немедленно ввести батальон в деревню.

— Слушаюсь, господин поручик! — козырнув, ординарец поскакал к своим.

Через 10 минут на рысях ко мне подъехала группа всадников во главе с комбатом. Поймав за узду лошадь штабс-капитана Митина, тихо говорю:

— Я — командир Волжского полка, только не белого, а красного. С коня долой, и сдавай оружие!

Штабс-капитан растерялся и слез с лошади, за ним слезли остальные.

Я взял комбата Митича под руку и, прогуливаясь, расспрашивал его об остановке на позиции, о его соседях и связи с ними.

Когда батальон противника прошел нашу замаскированную засаду, я быстро пошел навстречу батальону противника.

— Смирно, господа офицеры! — скомандовал один из офицеров, видимо, принимая меня за командира полка.

Подойдя к передним рядам батальона, я предложил комбату объяснить, что они теперь военнопленные и чтобы офицеры не боялись и не волновались, так как никого расстреливать не будем.

Человек 13 офицеров под охраной моего адъютанта пошли в деревню.

Когда офицеры ушли, я пошел к солдатам. Однако, не доходя 5—7 шагов сзади колонны, вдруг раздался треск пулеметного огня, а за ним громкое „ура" моих красноармейцев.

— Ложись! — крикнул чей-то голос, и батальон белых упал на землю.

Оказывается, сзади 3 офицера — пулеметчика, видя, что попали в засаду, решили навести панику и убежать, но уйти им не удалось, — прикололи их красноармейцы.

Подняв лежавших на земле колчаковцев, приказал построиться поротно и двигаться в деревню. Все люди, как один, выполнили мое приказание.

НА ОТДЫХЕ

... Рассыпавшись по деревенским избам, красноармейцы отдыхали. Гостеприимные сибирские крестьяне угощали красноармейцев шаньгами, молоком, свежим мясом...

Крестьяне слушали рассказы красноармейцев о своей походной жизни, о боевых эпизодах, о геройских подвигах того или иного товарища.

... Беседовали крестьяне с коммунистами, но не находили разницы между ними и остальными красноармейцами — не коммунистами...

— Уж больно много страшного наговорили нам о коммуне, а мы, по темноте своей, и поверили, — каялись крестьяне. И, как бы стараясь загладить свою вину в глазах красноармейцев, обильно поливали маслом блины, приготовленные для усталых бойцов...

— Ну, бабуся, и вкусные же ты стряпаешь вотрушки. Ты так угощаешь нас, как не сумела бы угостить, пожалуй, и родная мать.

— Уж больно мы ждали вас. Ведь проклятущий Колчак забрал мово сына и увез с собой. Спрятался было он, а они его нашли, избили плетьми и насильно увели... И я получила плеть, отец, вот, — тоже... — Старушка отвернулась и смахнула грязным фартуком слезу.

— Ешьте, ешьте, сударики мои, отдыхайте, поправляйтесь, да идите, воюйте. Сынка-то мово выручайте.

Втечение почти месяца наша бабка угощала то вотрушками, то шаньгами, то блинами. Мы полюбили ее, словно родную мать.

Хорошо было в сравнительно спокойной обстановке сидеть после боевых бурь за самоваром с вотрушками или есть горячие шаньги с холодным густым молоком...

Отдыхала, крепла богатырская грудь бойцов...

А между нашими сторожевыми постами и противника нет-нет да и завяжется перепалка. Свинцовый горох сыплется с правого берега на левый, с левого — на правый.

— Перестань стрелять! — кричат через реку наши.

— А зачем вы стреляете? — отвечают колчаковцы.

Стрельба прекращается, и завязываются „дипломатические переговоры“. Одни других уговаривают, ругают, грозят, агитируют. Сыплются каламбуры, „круглые словечки“, и часто вспоминают „мать“. Больше всего достается от белых комиссарам, а от наших — золотопогонникам.

Изредка ведут перебранку между собой орудия. Пробуют, нащупывают, стращают друг друга.

Состязаются и наши броневики: „Красный сибиряк", „Мститель" с броневиками противника, которые часто осыпают снарядами город Курган. Одним из таких снарядов противника была убита целая семья: снаряд попал в окно и разорвался.

Допрос пленных

Наши долго терпели безобразия белых артиллеристов и, наконец, решили расправиться, отомстить за многие жертвы из среды мирных жителей. Были нащупаны наблюдательные и командные пункты противника, обстреляны зажигательными снарядами и сожжены. Тогда противник успокоился.

У белых боевых припасов было много, и они не жалели их. Не то было у нас: мы стреляли только в крайних случаях.

Поздней ночью или ранним утром наши делали иногда вылазки на берег противника. Группа охотников вооруженных винтовками, гранатами, переходила вброд Тобол и старалась поймать „языка" (взять в плен противника и доставить его в штаб полка на допрос).

Частенько это удавалось. В плен брали или дремавшего часового, или заснувшего из секрета.

„Язык" приносил ориентировочные сведения, и наши штабы всегда знали о группировках и перегруппировках сил противника, а также и о его замыслах.

Кроме „языка", сведения получались „лазутчиками" особого отдела дивизии.

Противник тоже пробовал групповые вылазки, но ему это не удавалось. „Языка" он достачал при помощи местных жителей. Но такие „лазутчики" часто приходили к нам и рассказывали, с какой целью они посланы. Оказывалось, что их посылали за сведениями под страхом смерти их и их семьи.

Иногда групповые вылазки с нашей и противника стороны вызывали жаркую перестрелку, а то и настоящий бой. Пускались в ход пулеметы, орудия.

Устраивались вылазки и с целью отвлечь внимание противника или же произвести в его рядах переполох: пусть примет это за переход в наступление нашей армии и форсирование ею Тобола.

Бойцы отдохнули. Части пополнены свежими силами и приведены в порядок.

Командарм Тухачевский отдал приказ о наступлении...

Ожили деревни. Задвигались в них люди, кони. Закипела работа по подготовке средств боя. Для многих бойцов наступил праздник: уж скучно стало „без дела". Шаньги, блины надоели. Пора потрепать врага.

Штабу дивизии из захваченных у противника документов было известно, что главные силы белых сосредоточены против 27-й дивизии и что задача этих сил — уничтожить ее, ставшую самой боевой, крепкой и смелой, а затем обрушиться на 25-ю.

Поэтому в бой надо было вступать с наличием бодрости в бойцах, с наличием вспомогательных технических средств и с хорошим запасом боевых припасов

Бодрости — хоть отбавляй. Технических средств — достаточно. Но огнеприпасов очень скудно. Несмотря на вопли дивизии об этом, штаб армии не мог удовлетворить ее, ибо армия была бедна этими средствами.

Выхода нет — надо наступать с тем, что есть.

ФОРСИРОВАНИЕ ТОБОЛА.

... Ранним утром, тихо, бесшумно части дивизии стали подходить к реке, чтобы перейти ее вброд и врасплох напасть на противника. Быстрый, местами глубокий Тобол представлял большую преграду.

Противник не дремал. Момент наступления он учуял... И встретил наши переправляющиеся части ураганным ружейным, пулеметным и орудийным огнем.

Забухали и наши батареи. Загрохотали броневики. Пулеметы строчили свои ленты. На участке дивизии завязался жаркий бой. Бой этот втечение первых дней не давал перевеса над противником... Получилась досадная заминка, топтание на месте.. Обидно было за неуспехи.

Погнались курьер за курьером в штабриги.

Усиленно застучал телеграф. Завыли телефонные гудки Тов Павлов и наштадив подстегивают комбригов и наштабригов, добиваясь выполнения, во что бы то ни стало, поставленной перед дивизией задачи.

А в это время, как на зло, сыплются жалобы на недостаток огнеприпасов, требования самого срочного предоставления их броневикам, батареям. Полки жалуются на нехватку патронов.

Сведения эти молниеносно летят через штадив в штарм, но ни снарядов, ни патронов оттуда пока нет.

Положение критическое.

Начдив решил действовать „новею"

„Или погибай в бою, или хоть штыками прокладывай себе дорогу к указанным в приказе пунктам" — таково было предъявлено грозное требование комбригам, комполкам.

В третью или четвертую ночь наступления меня вызывает к телефону комбриг Рослов и докладывает, что у него на каждого стрелка осталось только по шести патронов, а потому он не может выполнить задачи и двинуть бойцов на явную гибель. Я передал ему по телефону:

„Задачу выполнить! Тобол форсировать! Отвечаете своей головой! Выезжаю к вам на позицию".

Чуть на рассвете мой автомобиль подъехал к штабу Тверского полка. Часть полка была уже на той стороне Тобола и билась. Прискакавший командир полка тов. Шрайер, герой и любимец красноармейцев, доложил мне, что под ним убиты уже две лошади, что противник отступает, что часть красноармейцев храбро бьется, а часть молодого пополнения покинула свои ряды.

Около штаба я увидел бродящих невооруженных красноармейцев. Это и были новички—трусы. Я приказал их мигом всех собрать и выстроить.

Необстрелянных собралось человек 40. Обходя их по фронту, я спросил, почему они здесь. Посыпались ответы:

— Я босиком!

— Я омозолил ноги и не могу ходить!

— Я заболел...

А в это время тут и там рвались снаряды противника. Кратко разъяснив им их предательскую роль, я объявил, что десятого из них прикажу расстрелять, как изменника.

И тут же приказание такое отдал.

Приходилось быть жестоким и прибегать иногда к сильно действующим средствам, — так требовали обстоятельства...

...Из штабрига я вновь заехал в 240-й полк проверить, как выполнена боевая задача. Боевая задача была выполнена блестяще. Полк уже был на правом берегу Тобола и дрался не без успеха.

„Больных" ни одного не расстреляли. Командир полка тов. Шрайер доложил, что как только я уехал, эти „больные" бросились к винтовкам, отобранным у них и сложен-

ным в одной избушке (часового они оттеснили от двери), расхватали их и — на позицию, прямо в бой.

Шрайер говорил, что дрались чудесно. Сразу „вымечились".

Многие из них погибли в этом бою смертью честных бойцов, искупив тягчайшую свою вину.

* * *

Когда за один переход до Омска в дивизии был отдан приказ бригаде тов. Сокк с полками Петроградским, Волжским и Крестьянским занять Омск, — в других бригадах это вызвало волнение.

— Мы, мы должны взять Омск!..

Командир Тверского полка, отчаянный Шрайер, собрал вокруг себя весь полк.

— Товарищи! — нам приказали занять позицию с правого фланга. Никто нам не мешает занять позицию, ударив прямо в лоб омским егерям...

И всесокрушающей лавиной полк понесся рядом с бригадой Сокк.

Перед Омском тверцы врезались в многотысячную толпу белых беженцев-буржуев, спешивших укрыться в Омске.

— Господин поручик! Господин поручик! — крикнула какая-то дама Шрайеру, ехавшему верхом впереди мчавшихся маршем тверцов. Барыня принимала их, очевидно, за отступающих белых.

— Я вам не поручик! — рявкнул Шрайер, — мы красные революционные войска...

ПОД ОМСКОМ.

Белое поле. Снег, снег и снег. Морозно. Идут красноармейцы вперед.. На линии (две узких стальных полоски) дымит бронепоезд. Запирает дорогу стрелкам

Откуда-то справа ухает наша тяжелая батарея, красно-знаменная... Батарея: всего одна пушка осталась. Бронепоезд боится, уходит.

Гудят провода, поют невеселую песню о тех, что висели на них, качаясь на тонкой веревке. Оборванные, исхудалые, с руками в мозолях висели. На страх крестьянам развесил их адмирал. А красные пришли — схоронили. Много есть могил вдоль великого сибирского пути. Чуть ли не у каждого столба... Белый снег заметает могилы.

В сон погружалось село Гуляево. В одной просторной избе, при тусклом свете с треском горящей лучины, красноармейцем воткнутой в расщелину стены, сидя за большим деревянным столом, заседали люди.

Склонив головы, они двумя десятками глаз пронизывали на развернутой карте путь от избы до сердцеобразного круга, нарисованного на ней в середине.

Путь этот не один раз меряли ржавым, растопыренным циркулем, спичкой или пальцем, в уме прикидывая нужную силу людей и лошадей.

Светало.

После длинных рассуждений встал человек среднего роста, лет 35 на вид, и, тыкая огрызком карандаша в центр сердцеобразного круга, заговорил, отчеканивая каждое слово:

— Стрела — это путь удара, по которому „Трубке“ [1] двигаться первым... Сердце Сибири должно перестать биться, работать... короче — нанести смертельный удар... разгромить врага .. Столицу взять — мы должны... Ясно или нет? Перед смелостью им не устоять, дело за вами, товарищи, а пока...

Исключая „Трубки“, опиравшегося правой рукой на маузер, все встали и переглянулись между собой. Вопро-

---

[1] „Трубка“ — прозвище тов Вострецова.

сов не было, и лишь в глазах светилось понимание возлагаемой задачи.

Встал и „Трубка". По профессии он был кузнец, но много прошло с тех пор, как отошел он от дел кузнечных. Роста был выше среднего, худощавый, с быстро бегающими и немного из-подо лба смотрящими серыми глазами. Вынув изо рта трубку и выколачивая из нее пепел о каблук большого сапога, начал:

Группа ветеранов красноармейцев 27-й дивизии

Слева направо бывшие): 1) комбриг 1—Хаханьян, 2) комбриг 2—Лапин, 3) комдив 27—Путна, 4) военком—Дрейцер, 5) комбриг 3—Степанов и 6) начальник штаба—Шарангович

— Да-а... Выходит коротко и яснее ясного... мало слов, да много дела... товарищи, но не боги горшки обжигают, налетим, — и выскочить с испугу им будет некуда, бежать не успеют. А этак будет, ей же, ей...

И, поправляя на боку маузер, твердой походкой направился к выходу с своим комиссаром из тверских мужиков. Комиссар был кряжист, ступал редко, из-под шинели серого сукна, напяленной на широкие плечи, торчал воротник кожаной тужурки.

Оставшиеся в избе с завистью глядели вслед уходящим, которые непрошенными гостями первыми войдут в столицу.

„Трубка", выйдя на улицу, крикнул:

— Сенька! Коней!..

И, втиснувшись одновременно с комиссаром в узкий кузов подъехавшего разукрашенного маленького возка, добавил:

— Айда! Сенька!.. мотри, шибко не гони, но потораплнвайся.

Сенька, одетый в шинелишку, с шашкой и наганом без кобуры на боку, с большим красным бантом на груди, пряча голову в плечи, щелкнул языком. Лошади дружно рванулись с места и мелкой, быстрой рысью понесли сани по сибирскому снежному полю к казачьему поселку, в котором размещался отряд „Трубки"...

По улице казачьего поселка из конца в конец бродили красноармейцы, в потертых серых шинелишках, с винтовками в руках, опоясанные, в большинстве, пулеметными лентами, прищуривая глаза от солнца, играющего по снегу разноцветными камешками, от холода при встрече греясь петушиным боем.

Посредине поселка в большой избе полнехонько было неварачных, грубых и неповоротливых на вид, больше молодых, красноармейцев. Общий смех сменялся шутками и анекдотами. Молодые казачки, толпясь табуном у печки, изредка хихикали, глазели на красноармейцев, думая, — „а не тронут ли". Из гама, криков и подсвистывания, в тон лихой гармошки, вырывалось:

Сидит милай на крыльце,
С выраженьем на лице,
Я не долго думала —
Подошла и плюнула.

Все раскрыли рты, но смолкли, с улицы кто-то крикнул:

— Робята! — „Трубка" и комиссар приехали...

Все шарахнулись к окнам.

И действительно, напротив у избы, с корявой меловой надписью на воротах „ета хата штабу", тяжело дыша, как вкопанные, остановились лошади.

Не глядя по сторонам, „Трубка“ с комиссаром вошли в избу, встреченные Митей-адъютантом. Митю „Трубка“ любил за дело, которое он понимал с одного его слова. Сели за стол, накрытый белой скатертью и едой заставленный. Сделав свои дела по обязанностям, в избу гусем вкатился и Сенька, примостившись слева у „Трубки“. Ели все жадно и молча. После яичницы пили молоко, и когда вдоволь насытились, „Трубка“ вытер руки о брюки, закурил крестьянской самосейки и, обращаясь к Мите, тихонько спросил:

— В избе никого нет?

— Приготовили еду и ушли к соседям, — так же тихо отвечал Митя.

— Митя! — дело говорить буду, приказом его смекать надо... налетать будем... Ночь берем в помогу, все берем... а штоб в утре в столице быть, понимаешь?.. людям и коням отдохнуть и в вечер в порядке быть. Людскому составу не трепаться, да напомнить: „много шуму — мало толку“...

Живчиками бегали у Мити глаза по карте, напряженно начинал работать мозг, с особенным нажимом выводил карандаш на бумаге „Сегодня в ночь...“ и т. д.

С надвинувшимися сумерками, как только показалась первая звездочка на небе, затих казачий поселок. Ночь скрывала собой отряд „Трубки“, отряд смелых до дерзости, без говора и шума на подводах ужом ползущий к городу-столице по дороге, указываемой провожатым мужиком, с „Трубкой“ вместе ехавшим на первой подводе...

В то время когда напряженно лежали в снегу белые цепи, охраняя от красных подступы к столице (а красные были за 105 верст), в тумане раннего утра отряд „Трубки“ торопливо пробирался по столичному предместью к станции. На станции стояли поезда, из всех поездов выделялся один штабной поезд, нагруженный до отказа всем годящимся про „черный день“ и полный людьми „правителя всея России“. Люди эти хорошо знали, что с делами на фронте обстоит неважно.

Не успел „Трубка“ с своим отрядом оцепить станцию, как поднялась ружейная пальба, а вместе с ней и паника, вызванная неожиданным появлением красных. Молниеносно разнеслось по проводам „красные, красные в городе“.

„Трубка“, с маузером в руках, на ходу отдавая приказания, вместе с Сенькой шел к международному вагону, в окнах которого мелькали „важные“ люди. Не успел „Трубка“ сказать Сеньке одного слова, как сквозь оконное стекло вагона наружу с треском вырвался выстрел. Как ужаленный, подпрыгнул Сенька, и тут же, под окном вагона, на платформе, головой к ногам „Трубки“, грохнулся Семен.

С кошачьей ловкостью „Трубка“ прыгнул к дверям вагоча, открыл ее и дважды выпалил из маузера вдоль вагона, предварительно им ткнув в живот проводника вагона, желавшего на замок закрыть дверь, отчего тот стал на четвереньки. „Трубка“ гаркнул:

— Сопротивляющемуся вкачу пулю! — Вылезай, кто куда едет... Приехали!..

И все лезли из купэ, кто в чем был, и становились в ряд, с трясущимися руками, бросив оружие.

— Жизнь ваша, — на што она мне! Не бойтесь; хотя за Сеньку — будет после.

И подойдя вплотную к человеку с поседевшими усами и стоящему вместе с женщиной в ночном белье, приставив маузер к ее груди, обращаясь к нему, внушительно сказал:

— Телефонируй всем, штоб крови меньше было пролито!.. а не то...

— Повинуйся, Дим!.. — успела вскрикнуть женщина, грузно падая в обморок.

И человек, кого касались эти слова, передавал по телефону всем то, что ему говорил „Трубка“...

А в центре города, нарушая утреннюю тишину столичной улицы, пьяное офицерье, выходя из ресторана, горланило:

Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как на машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты.

И остановившись у извозчика, один из всех назойливо орал:

— Извозчик, занят?

— Нет-с, ваше...

— Нет-т, так грызи оглобли.. ха-ха-ха! — неслось по улице.

— Ни с места!! Даешь ваши револьверы! — кричал на пьяных офицеров комиссар „Трубки", вышедший из-за угла с группой красноармейцев с красными тряпочками на шапках.

— Что! Что такое? — хватались те за оружие.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, предупреждаю.. наши цепи далеко прошли вперед...

И белые покорно разоружались.

В действительности же 2 бригады красных только лишь начинали заливать столицу с двух сторон.

...К вечеру сердце Сибири и колчаковской армии перестало биться.

Усиленно радио и телеграф рассылали миру: „14 ноября Красной армией занята столица Колчака—Омск, точка".

Омск—пал за 4 дня до годовщины объявления Колчака верховным правителем.

День 14 ноября 1919 года следует считать днем освобождения Сибири.

У КРАСНОГО КОМАНДИРА.

Волжцы в Омском предместьи — Атаманский хутор зовется оно. Рассыпались по домам, не по всем, нельзя в чужом еще городе разбредаться.

Домина — громадина. Красных в нем не было. Растворяются двери, и на снег тротуара — серый ком. Золо-

тятся плечи николаевской шинели, седые усы таращатся из-под башлыка. Портфель с монограммой и палка.

Генерал.

Налетает разнообразно одетая братва... Остолбенел генерал.

— Земляк, да ты какой губернии? — дерзко спросил красноармеец.

Выпала палка из рук, выпал портфель. Белые листики высыпались, ветер играет, неся их по дороге: сметы, отчеты, доклады...

— Ну и карась! И, вытряхнув генерала из шубы, потащили его в штаб к Вострецову. Безвольный, идет генерал. Идет к ним, „красным извергам", в штаб. „Все равно смерть", — мелькает в седой голове.

Штаб полка. За самоваром парень с длинной трубкой в зубах, рядом какой-то мужик, у мужика на ремне револьвер. Стоит генерал, не знает, что делать.

— Добро пожаловать! Садитесь поближе, чаевничать будем. Чай не ждали нас в гости? — смеется рыжебородый.

Садится. Чуть-чуть, на край стула. Не знает, что будет.

— Скажите, кто вы? — пыхнул тот, с трубкой.

Силы покидали генерала. Ну, что делать, крепись. И, держа осанку, из-под усов:

— Генерал-лейтенант Римский-Корсаков — начальник складов.

— Весьма приятно, весьма приятно! — хохочет мужик: — а я комиссар Волжского полка — Великосельцев. А это — наш командир — Вострецов. Вы не бойтесь: дурного не сделаем. А теперь скажите нам...

Отвечает генерал на вопросы бессвязно и робко, по-мальчишески: так он давным-давно, когда-то отвечал инспектору — грозе всех кадетов.

...Через два дня в Омске штаб армии. Розенгольц, Смирнов, Тухачевский.

Белобрысый военком артиллерии дивизии Бюлер согнулся к столу: он комендант.

— Приведите сюда генерала Корсакова.

— Слушаюсь!

Двадцать минут ожидания. За дверью — шаги, звон шпор. Бюлер вперед пропускает старика-генерала.

— Вас командарм к себе просит.

Генерал — к столу. Где же командарм?

Член РВС 5 армии т. Смирнов и командарм 5 т. Тухачевский.

За столом — трое. Генерал — весь слух, весь — внимание. Всем корпусом подался вперед к Розенгольцу, — тот солиднее всех: наверно, командарм.

— Вы генерал Римский-Корсаков? — спрашивает Розенгольц.

— Да, — и снова весь корпус к Розенгольцу.

— А в каком положении сейчас артиллерийские склады? — спрашивает Тухачевский.

Повел генерал бровью: мальчишка, мол, — тоже в разговор со старшими лезет, — и вновь к Розенгольцу.

— Вас командарм спрашивает, — склоняясь к уху старика, сказал Бюлер.

Тот встрепенулся, ест глазами Розенгольца.

— Вот командарм, — настойчивее, назойливее голос над ухом. И кивок вправо на Тухачевского.

Генерал привскочил, повернулся...

— Вы — командарм? И смотрит широко раскрытыми глазами. — Вы командарм? Такой... молодой?

Расхохотался Тухачевский: не выдержал.

— Я — командарм. Что ж делать — генералов у нас нет, все к Колчаку ушли. Пробавляемся прапорщиками... Ну, так как же, в каком положении склады?

— Склады все в целости. Пятьсот тысяч снарядов, пять миллионов патронов. Есть пироксилин. Приказано было взорвать склады — не взорвал, города жалко. Рванешь — много людей на воздух взлетит. А на окраинах — все беднота.

— Жалко.

ПО ПЯТАМ.

...После Омска колчаковская армия рванулась к востоку и потекла, как саранча обжирая попутные села и отмечая свой путь брошенными орудиями, обозами, трупами лошадей и пехотных людей по обочинам разбитых дорог.

Бои стали редки...

Красные преследовали на подводах, заскакивая в обход раз за разом, отсекая целые войсковые части и эшелоны...

Артиллерия, буржуи, обозы — все тянулось на восток. И все это прорывали: образцовая егерская дивизия, бронепоезда и казацко-башкирская конница.

Армия Колчака разлагалась. Один за другим бросались города: Татарск, Каинск, Барабинск, Казачинск... Усиленно действовали партизаны.

Шли красные по пятам.

По тропинкам сугробистым отступая, на каждом шагу, на каждой ночевке и привале теряла людей колчаковская армия. Нашим оставалось только собирать этих отставших.

По дороге тянется куча. Немного, немало — человек триста. А впереди, на подводе наш красноармеец, раненый, но с винтовкой. Это конвоир. Все равно пленные не убегут, бежать некуда. Довоевались...

Повсюду — пламя восстаний крестьянских. Поднялись кряжистые сибирские мужики, — добивают врага. Давно еще, года два назад, восставали они, но братская помощь Красной армии не поспела. Загнаны были тогда партизаны в тайгу, оттуда тревожили белых насильников, захватывали целые районы и чудом каким-то удерживались в них. Щетинкинцы сами патроны готовили. Больше года держалась в тылу Колчака Минусинская советская республика. В Каинске — Яковенко, Рогов — в Барнауле. Кравченко — мозг Минусинской республики, Щетинкин — ее руки.

Теперь все они тянулись навстречу „рассейским". Но у Колчака есть еще старая гвардия, есть еще офицеры. Это чехо-словаки, это польская дивизия.

В отчаянии Колчак бросил в бой последний резерв, ни разу не бывавший в боях, — образцовую морскую дивизию, сплошь составленную из „маменькиных" и „папенькиных" сынков.

В узком проходе у озера пытались задержать егеря красных. Дрались егеря отчаянно, восемь часов длился бой, и разбитые остатки не сдавались в плен, бежали на город Новониколаевск.

В наши руки попадает приказ, что „с 9 на 10 декабря, в 3 часа ночи отборные егерские и морские дивизии должны ударить", перейдя в решительное наступление.

— Ах! Вы в 3 часа! Так мы вас в час! — решает немедленно Сокк, стоящий во главе Крестьянского, Петроградского и Волжского полков.

И, ударив на эти кадровые отборные части под Чулымом, погнали их до самого Новониколаевска и, ворвавшись в него, взяли одних пленных до 40 тысяч...

Ст. Тайга. Ждут красных поляки. Новый начдив товарищ Путна отдает бригаде приказ:

— Гнать врага, добивать! Невельцы, минцы, оршанцы, в бурном порыве — вперед!

Упорно обороняется враг. Два бронепоезда косят наших направо и налево. Падают наши, — но идут все вперед.

— Справа обходят! Обходят! Обходят!

Медленным шагом, теряя товарищей на каждом шагу, под перекрестным огнем отходили наши. Отошли — залегли.

„В лоб не возьмешь. Надо — обходом", — думает комбриг.

Оврагом, ложбинами полк потянулся в обход. А оставшиеся снова вперед.

— К бронепоезду-у! — С бронепоезда — крики.

Без прикрытия в тыл к полякам зашла батарея.

— Прямой наводкой! гранатой по бронепоезду! — кричит, чортом носясь по батарее командир Сивец.

Без устали работают номера, кладут гранаты под самые колеса. Крепятся скованные сталью вагоны. А наша пехота все ближе и ближе. Чуть не вплотную. Умолкла батарея. Царапаются люди на бронепоезд, обжигают руки, хватаясь за торчащие из амбразур пулеметы. Кидают ручные гранаты. Вгрызаются в сталь. В злобе слепой ломают штыки о стальную коробку.

Все же живой человек сильнее бездушного железа. Ворвались в вагоны. Колют всех без пощады: остервенели. Не уймешь — слишком много легло, пока дорвались...

...Колчак разбит.

Сам Колчак попал в бесконечную цепь эшелонов, двигающихся на восток. Вместе с ним двигался эшелон с золотым запасом.

В Верхнеудинске чехи, окружив поезд верховного правителя, объявили ему, что он арестован, и пленником доставили в Иркутск, где после и был он расстрелян.

Село за селом, город за городом берем, встречаемые облегченным вздохом сермяжной Сибири...

Вражеской армии уже нет, ее остатки растаяли на берегах быстроводного Енисея, под безудержный хохот красного пулемета.

Колчака не стало... Лишь глава бывшего самарского командования генерал Каппель ушел от последнего удара Красной армии, улизнул он и от объятий красных партизан Енисейской области.

Но на пути его бегства встал сыпняк... Клещами удушья взяла генерала за горло и, обжигая лицо раскаленным дыханием, бросила злорадно: „смеется тот, кто смеется последний".

15 февраля 1920 года дивизия получила почетное Красное знамя и грамоту:

„Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, в ознаменование исполнения 27-й стрелковой дивизией своего долга перед социалистическим отечеством в бою против его врагов, за взятие Омска вручает ей от лица центрального органа Советской республики боевое знамя в знак тесной связи дивизии со всем рабочим классом в его борьбе за торжество коммунизма".

Председатель ВЦИК — Мих. Калинин.

Секретарь ВЦИК — Аванесов.

МИХАЭЛЬ ГОДОНИ [1]

Дитя солнечной Италии. Со смутным пониманием того, что с ним делают, он прошел мясорубку великой всеевропийской бойни и, взятый в плен австрийцами на берегах Адриатики, ими же сдан в плен России в Галиции.

С горячим сердцем, пылкий юноша брел, гонимый принуждением, брел безучастно из плена в плен.

А здесь, на севере холодной страны, в красные дни Октября в Ленинграде, воспламенилось его сердце и сгорело для революции.

Годони вступил добровольцем в ряды Красной гвардии.

В кровавые дни Ярославля он был в рядах бойцов. Затем целый год борьбы от Казани до р. Ишима, будучи конным ординарцем, не раз сквозь ряды белых скакал с вестью или приказом. Долго для белых он был неуловим...

Не уловила пуля... Штык доканал...

В сентябрьскую осеннюю ночь 1919 года в д. Калачной мы, двадцать два всадника красных, были застигнуты 3-м Ставропольским белым полком и двумя сотнями казаков. Из-за очевидной невозможности драться значительная часть наших ускакала. Четыре наших конных бойца, в том числе и Годони, отбивались прижатые буквально к стене... Помнятся озверелые лица, крик „ура"... хруст непоротой груди первого, а, может быть, единственного тогда итальянца в рядах Красной армии.

Михаэль Годони упал, скрюченными пальцами впиваясь в липкую влагу осенней улицы

Часа через три мы взяли обратно деревню...

Годони был жив. Его стали выхаживить... Но скоро грянули тяжелые тобольские бои, он самовольно явился на фронт, явился для того, чтобы доумереть...

Итальянский солдат Михаэль Годони свою юную жизнь и пламенное сердце принес в жертву Российской революции.

---

[1] По воспоминаниям т. В. Путна.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

НА ВАРШАВУ.

. . . ВОЕННУЮ ГОТОВНОСТЬ МЫ ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ. НЕ ПОЛАГАЯСЬ НА НАНЕСЕННЫЕ УЖЕ ИМПЕРИАЛИЗМУ УДАРЫ, МЫ СВОЮ КРАСНУЮ АРМИЮ ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО ДОЛЖНЫ СОХРАНИТЬ ВО ВСЕЙ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ И УСИЛИТЬ ЕЕ БОЕВУЮ СПОСОБНОСТЬ . .

Н. Ленин. (Декабрь 1920 г., том 17, ч. II).

НА ЗАПАД

На западе крайне обострились отношения с Польшей. Вместо ушедших немцев около нашей границы появились польские легионеры. Переговоры ни к чему не приводили, Чувствуя за собой могущественную поддержку Антанты, поляки их затягивали. Заключить мир с Польшей не удалось. И подготовленные, снабженные всем, с значительными силами, при поддержке Франции, Англии — поляки повели наступление на Украину, захватывая город за городом. Пал Киев, горел Борисов.

Выполняя приказ, дивизия с востока двинулась на запад.

Уходящей на запад дивизии революционный совет 5-й армии писал:

„Ревсовет 5 от лица Республики шлет 27-й дивизии свой прощальный привет, сердечное спасибо за службу и выражает свою полную уверенность, что дивизия рядом новых подвигов на новом фронте борьбы с капиталом, борьбы за освобождение трудящихся и их счастливое будущее, лишь подтвердит свою боевую репутацию. Выдающиеся подвиги 27-й дивизии отмечены многочисленными наградами и получили признание со стороны Республики, вручившей героической 27-й дивизии высшую награду — Красное знамя. Счастливого пути, славные командиры, комиссары и красноармейцы".

„НЕ ДАЛИ ДУМАТЬ".

И громившая Колчака 27 я дивизия через две недели была в составе двух бригад южнее гор. Борисова.

„Помните, товарищи, — писал тов. Путна в приказе по дивизии: — в польской армии комсостав высококвалифицированный; у них лучшие французские и английские генералы, у них ученые академики, а мы простые рабочие и крестьяне. Если мы дадим этим генералам много думать — они нас „передумают" и победят. Не давайте им долго думать".

Дивизия не дала долго думать польским генералам. В июльские дни перешла реку Березину, южнее города Борисова, и двинулись на Минск.

.. День прошел в стремительном преследовании поляков, не оказывавших особого сопротивления и ограничивавшихся кратковременным огневым отпором мелких арьергардных единиц. Эти части, сбиваемые нами без затруднений, уходя, поджигали лес, густой стеной охватывавший все пути, чем доставляли нам много хлопот и затруднений, ибо было крайне трудно преодолевать разбушевавшуюся стихию огня в лесу, через который пролегала дорога... Нестерпимо изнуряла знойная погода, а над сплошной стеной лесов, в направлении на м. Смолевичи, висела густая пелена дыма от лесных пожарищ...

Поляки отступали... нужно было ловить дорогой момент И вновь приказ:

„Дивизии маршем итти на Минск, взять его и закрепиться на реке Птич"...

Поляки упорно сопротивлялись и боролись, не желая отдавать красным столицу Белоруссии, опоясанную полукольцом окопов с проволочными заграждениями.

Под градом пуль бросились в атаку стрелки 27-й на укрепленные позиции. Многие гибли на проволоке, шли остальные вперед. Не выдержали поляки. Да разве можно

было удержать такой отряд, в котором в то время насчитывалось до 3600 коммунистов.

Конные разведки первые ворвались в город, внеся полное расстройство в проходившие через город и его окраины польские части.

Товарищ Румм — начальник разведки занял станцию, которая горела. Польские подрывники возились у железнодорожного моста, но, увидя красных, разбежались, и мост был спасен. А начальник разведки тов. Петриков кинулся на отступающую польскую батарею, завернул ее и погнал на нашу пехоту.

— Эх вы, вояки, — добродушно трунили конвоиры, сопровождая сконфуженных „познанчиков" и „варшавяков".

Поспешно и беспорядочно бежали поляки от Минска в старые германские бетонные окопы, на позиции с несколькими рядами проволоки.

С беспримерной отвагой ударили омцы на „ясновельможных", не успевших еще прочно закрепиться. И неприступное было прорвано. Разведка Крестьянского полка, захватив ст. Мышь, принимала телеграммы:

— С Баранович просят принять воинский эшелон!

— Принимайте!..

Тяжело пыхтя, подкатил паровоз к станции, и высыпавшие из вагонов польские уланы были встречены залпами подошедшей пехоты...

Лавиной катились полки вперед.

Волжский полк на подводах был брошен на перерез отходящим полякам.

Пройдя верст пятнадцать, волжцы совместно с кавалерийским полком ударили, и зажатые в тиски поляки приняли бой. Превосходящими силами напали они на волжцев. Кавалерийский полк не выдержал и отошел. Семь часов волжцы совместно с вяземской батареей бились с поляками. Не выдержали „паны", оставили шесть пулеметов и пленных.

... На походе нередки были случаи, когда красноармеец, ступая по раскаленному зноем шоссе и как-то странно-бережно ставя ступни ног, обмотанные тряпками, оставлял позади себя на дороге влажные пятна кровавых следов. Он ступал по земле своим живым, до крови растертым мясом, но шел вперед, шел ради раскрепощения таких же, как он, трудящихся соседней страны.

А как тяжел суточный путь в 20 километров при таком состоянии ног. Кровь сочилась у многих, но бойцы шли, не обращая на это внимания. Только тот, кто измерил своим шагом пути от Березины к Висле, знает, как трудно быть героем. А победителем еще труднее.

...Бойцы шли оборванные и полубосые...

Непроходимые леса Беловежской пущи огласились треском пулеметов. Лесное эхо множило звуки боя. Казалось, это стонала сама пуща.

Одна бригада перерезала путь отходящим полякам, заставляя их отступать на запад глухими лесными тропинками. Ничто не помогало. Имя „красных сибирских дьяволов" стало грозой. Красные кавалеристы с дерзостью, неуловимые, как призраки, скользили в тылу у поляков, атаковывая обозы, артиллерию и целые колонны пехоты. Даже прославленные польские уланы избегали встречи с нашими кавалеристами.

Отходили поляки на реку Западный Буг с надеждой здесь удержаться.

Но, туда, вперед к Варшаве, рвались бойцы.

ОКРОВАВЛЕННАЯ РЕКА.

Многое видел старый Буг. Не раз его воды алели от крови. Лилась здесь шляхтетская кровь под ударами казацких сабель, лилась кровь казаков и холопов, восставших много лет тому назад против гнета помещиков. Видел Буг на своих берегах меховые шапки гренадеров Наполеона и кивера александрийских гвардейцев. Муравьев,

прославившийся своим „муравьевским галстуком", пугал быстрые волны реки виселицами, на которых качались боровшиеся с режимом „Николая Палкина".

Слушали берега Бута рев немецких и русских орудий. Были свидетелями тому, как корчились здесь, в муках умирая, немецкие и русские рабочие и крестьяне за прибыли богачей.

И снова на Буге гром орудий, стоны и хрип умирающих людей. Сошлись две силы — дряхлый капиталистический строй и рожденный коммунизм.

Плотно сомкнувшись, шли красные вперед, туда — где Висла, Эльба, Рейн и Сена, туда, где мучится пролетариат.

...Два раза мы пытались форсировать реку, но вырывали вражеские пулеметы десятки и сотни жизней, и приходилось отходить назад.

Наконец Курский полк первый перешел реку. Командир батальона тов. Нольман, скромный и незаметный, первым перебравшийся на другой берег с горстью красноармейцев, захватил железнодорожный мост.

— Надо, товарищи, удержаться, пока дивизия не перейдет реку, надо держаться!..

— Удержимся!..

И удержались. Три дня оборонял мост герои, давая возможность остальным частям перейти Буг. Нольман убит, только десятая часть уцелела, но мост удержали.

Под губительным огнем пулеметов, расстреливаемые местами в упор, по горло в воде, где вплавь переправлялись красноармейцы. Падали бойцы от захлебывающихся польских пулеметов. Ранены командир кавалерийского полка Симонов, командир тверского — Хабаров, а командир Сокк, истекая кровью, кричал:

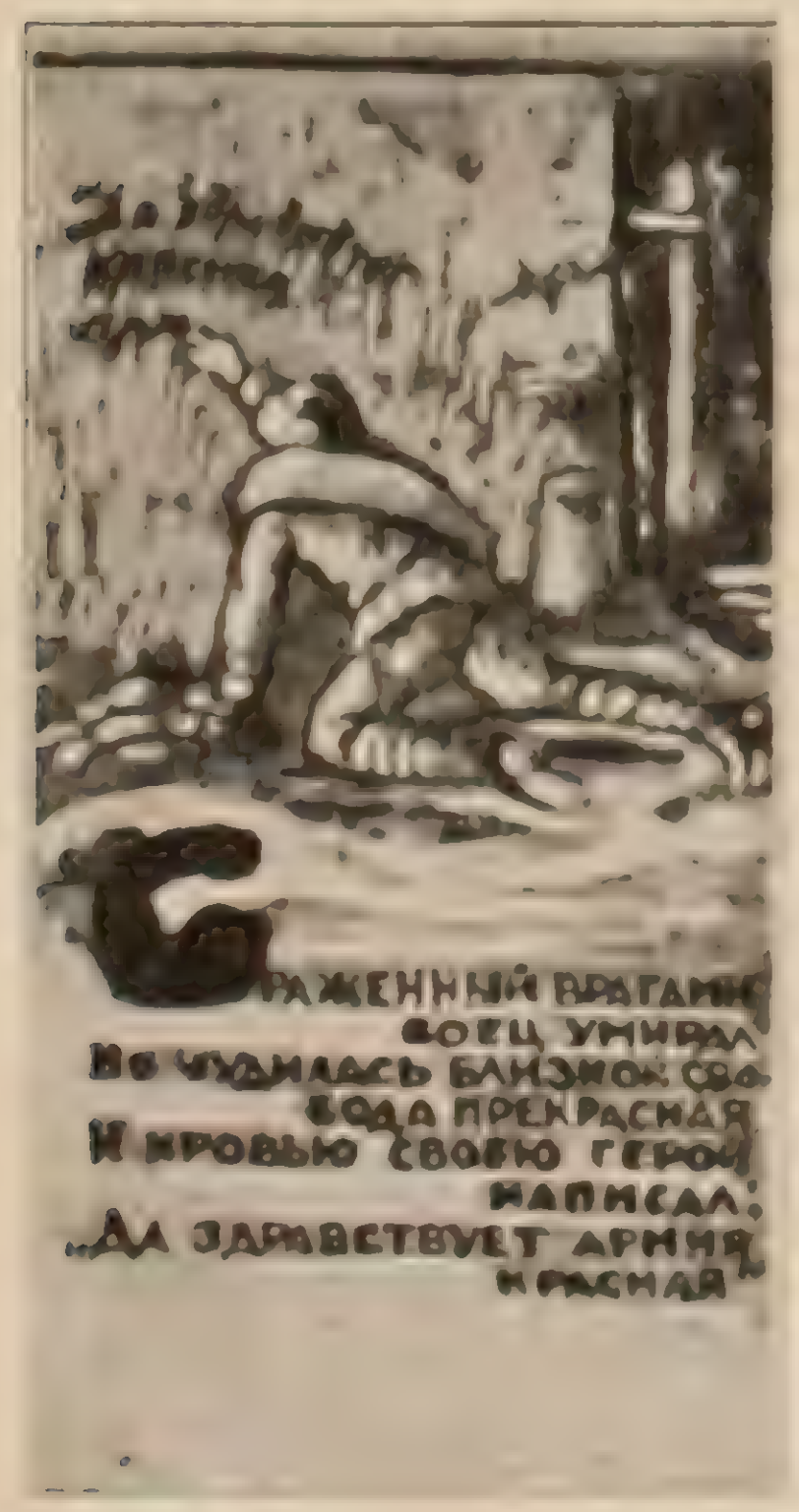
„Минцы, вперед! — мы должны победить!"

Командир Оршанского полка Фомин своей смертью запечатлел свою верность рабоче-крестьянскому делу. Похоронили его на высокой скале, и волны старого Буга,

плескаясь о б·рег, и ветер в ветвях деревьев над его могил·й поют похоронные песни...

Поляки подтянули резервы и, перейдя в контратаку, сбили наши части, а волжцев окружили. Жестоко дрались красноармейцы. Теряя товарищей, волжцы отходили к реке, отходили и тащили за собой захваченные пушки. Вот и река. Вброд — больше выхода нет.

— Эх! захватили пушки, так не оставлять же их полякам, не даром же их отдавать, едрит твою в дышло.



Плакат гражданской войны.

С грохотом катятся пушки по крутому берегу, докатились до обрыва, — всплеск, столбы брызг и шум осыпающейся земли. Ни одно орудие не вернулось полякам.

И снова переходили реку волжцы, унося на плечах своего раненого командира.

... В лазаретах, на поле кипела работа. Врачи и сестры четвертые сутки не спят, от усталости не могут стоять — не успевают перевязывать раненых. А раненых все больше и больше. Мечутся, стонут... Откуда их столько. Бинтов нехватает, режут ситец...

А сами герои, замотав тряпкой раны, терпеливо ждали очереди. Ни ропота, ни жалобы, ни укоризны.

Вот сестра наклоняется к раненому красноармейцу, а у того голова прострелена, губы почернели, глаза грустные, грустные, словно смерть видит. Порывисто

вздымается грудь, а руки судорожно перебирают пальцами.

— Не надо... Оставь... Перевязывай других... я все равно помру, — со свистом вырываются слова изо рта. А сколько таких...

КАК НАДО БОРОТЬСЯ

... Тверской полк теснил поляков, одновременно расширяя захватываемый район вправо, на участке бригады. На крайнем правом фланге полка группа красноармейцев, человек 20, с двумя станковыми пулеметами преследовала около роты (75—80 человек) противника, совершая это скачками.

Когда отступающие поляки отходили на прицельное расстояние или скатывались в лощинки, которых в этом районе очень много, красноармейцы быстро вскакивали на повозки и гнали галопом коней, через минуту они опять быстро соскакивали, стаскивали пулеметы и наступали на периодически залегающего и отстреливающегося противника. И так — все время, пока по этому участку противник не открыл артиллерийского огня.

Я видел, как разрывы становились все чаще и чаще. Шрапнель чередовалась с гранатой. Затем вдруг на месте одной скачущей подводы, облепленной красноармейцами, вырастает черный куст развороченной земли, летят лоскутья разорванного конского тела, перемешанного с людским и кусками повозки. Секунды... Земля, пыль и куски падают на землю, а на месте разрыва, вместо скакавшего десятка встают четыре человека, отряхиваются, расходятся на интервалы и наступают дальше вперед.

Вот как надо бороться, если хочешь победы.

Так дрались тверцы, показывая пример полкам.

СНОВА В БОЙ [1].

Мы слышим зов
Лихих орлов,
В боях с поляками погибших.
Их зов — отмстить
И истребить
Помещиков, народ душивших.

Гей, батраки,
Сомкни ряды.
Сильны мы снова, как и были,
Гей, день вперед,
Наша берет.
Напомни им, как мы их били.

Один, другой,
Упорный бой...
Вперед, друзья, стяжайте славу.
Не пал наш дух,
Вперед — на Буг.
Гей, шляхтичи, отдай Варшаву!

ДАЕШЬ ВАРШАВУ

Их мало гнать, шляхетских гадин,
Их надо гнать и надо бить,
Им мало морды бить до ссадин,
Их надо с корнем истребить [2].

— Варшава должна быть советской — это влекло вперед дивизию, да и всех.

Под убийственным огнем двинулись полки на Радимин. Несчастный город. Ад кромешный кругом. С зловещим шипением разрезают воздух тяжелые чемоданы, смерть и ужас сеют пулеметы, в городе горят дома.

Перед изможденными, поредевшими рядами бойцов, в шестнадцати верстах показалась Варшава.

---

[1] Бойцам 241-го Крестьянского полка. Автора восстановить не мог *П. Ф.*

[2] *Д. Бедный.*

Варшава — вид на Александровский мост через Вислу и на Прагу

Шестнадцать верст, казалось, отделяли нас от социалистической революции в Европе. И дивизия решила пройти во что бы то ни стало „версты“ революции.

„Даешь Варшаву!“ — этот клич грозной волной покатился к ее стенам.

„Даешь Варшаву!“ — похоронной песнью звучало в ушах польской буржуазии.

„Даешь Варшаву!“ — будило надежды на освобождение у исстрадавшихся рабочих и крестьян Польши.

Шла вперед 27-я. Пал Венгров, пали последние преграды. Ближе и ближе — Варшава. Приближались великие дни варшавских боев, дни крови и ужаса, дни неувядаемой славы.

... Имели место случаи, которые вряд ли могут повториться.

Так, в одном из полков, помощник командира полка, следуя во главе батальона в контратаку на противника, чтобы ободрить массу, идущую в бой почти без патронов, шел впереди цепи с гармошкой, наигрывая веселый ухарский мотив.

В другом полку, во время нашей контратаки, один из красноармейцев, чтобы развеселить товарищей, вдруг подпрыгнул во всем своем снаряжении, сделал сальто (петлю) в воздухе и повторил ее несколько раз подряд. Оказалось, что он — бывший клоун, одиннадцать лет проработавший в цирке, свои способности до Варшавского сражения хранил, а тут не выдержал и .. кувыркнулся на утеху товарищей, идущих на смерть...

Помнится и такой случай. По шоссе на Радимин, для прокладывания пути своей пехоте, поляки двинули шесть бронемашин на прекрасном ходу. Командир нашего батальона не был уверен, что его батальон удержится, и, чтобы подчеркнуть массе бойцов, что он отсюда никуда не пойдет, что он здесь остается надолго, он на виду у вражеских броневиков стал разуваться и развешивать на колышках портянки для сушки... Батальон не дрогнул,

видя бессилие вражеской техники помешать кропотливому делу комбата — сушке портянок. Батальон отразил польскую пехоту, а броневики, поторчав некоторое время без поддержки своей пехоты, ушли...

ШТЫКИ ЗАСТАВИЛИ ГОВОРИТЬ

Когда нещадно мы проучим
Всех недоученных вождей,
Тогда лишь только мы получим
Достойный нас и прочный мир [1].

Канонада над Варшавой не умолкает. Притихла хвастливая польская шляхта, заволновалась империалистическая Европа. Было из-за чего волноваться. В те дни Варшава была ключом ко всему миру. Это знали не только мы. Это хорошо знали и наши враги.

Начались новые хитросплетения вокруг нас. Английское правительство предложило нам мириться с Польшей. Английское правительство обратилось к нам с предложением прекратить войну с Польшей и прислать наших представителей в Лондон для переговоров о мире с ней и другими окраинными государствами. При этом лорд Керзон — английский министр иностранных дел — сообщил, что польские войска в случае заключения перемирия отступят будто бы за ту границу, которую наметила для Польши еще в декабре прошлого года Мирная конференция. В той же ноте нам предлагалось не трогать Врангеля в его „крымском убежище".

На это посредническое предложение английского правительства Совет народных комиссаров ответил отказом.

Поляки лихорадочно стягивали свежие силы, все, что было у них под руками, было брошено на фронт, на защиту Варшавы. Прорыв укрепленной полосы заставил противника работать 24 часа в сутки.

---

[1] Д. Бедный.

Паны, ксендзы грозили польскому рабочему и крестьянину старой романовской Россией. И этим они сумели разжечь патриотизм среди трудящихся масс. Им удалось на время ослепить рабочих и крестьян Польши.

Антки, Петруси, Стаси и Владеки шли добровольцами в легионы, шли на фронт, не сознавая того, что идут ковать цепи на самих себя.

Всю ночь шла подготовка. Против поредевшей, измученной 27-й дивизии поляки выставили Литовско-Белорусскую дивизию и еще пять полков разных дивизий, два запасных батальона и все команды, какие были у них.

Наступило 14 августа. Лишь прорезал свет темный покров уходящей ночи, заговорила артиллерия варшавских фортов. Щелканье трехдюймовок сливалось с глухим ворчанием и ревом тяжелых орудий. Сыпались снаряды на наши цепи и на несчастный Радимин.

А наша артиллерия молчала. Молчала потому, что не было снарядов.

Густыми цепями повели поляки наступление. Подпустили омцы противника на пятьдесят сажен и встретили громовым „ура", перейдя в контратаку. Рванулись вперед красноармейцы. Петроградский полк захватил трехорудийную батарею поляков.

А южнее одна из бригад наступала на Прагу. Оршанский полк штыковым ударом прорвал линию укреплений, захватил варшавский артиллерийский полигон, перейдя реку Зонзу.

Командир Вецов со своими бойцами отбивался от наседавшего со всех сторон противника и был окружен.

— Сдавайся! — кричали поляки оршанцам.

— Лучше смерть, чем позор!

Кинулись оршанцы в штыки, сцепились с варшавским полуторатысячным полком, прорвались, но вышло всего шестьдесят человек.

На рыжей взмыленной лошади кинулся комиссар Сапкин на поляков. Молоденький, безусый — почти мальчик.

Свистят пули. Попалась одной по дороге комиссарская грудь. Ломает ребра, рвет мускулы горячая пуля и, обессиленная, уносится вдаль.

Хрустнул куст под падающим телом. Смертная пелена задергивает глаза. А как не хочется умирать.

Подымается на миг и с кровью выплевывает навстречу смерти огненно-крылатые слова:

— Да здравствует Коммуна!.—И падает.. Падает навзничь, ломая кусты...

Сколько их, неизвестных героев, заплатили своей жизнью там за мировую социалистическую революцию.

НА ЭТОТ РАЗ ОТСТУПИЛИ.

Атаковывая нас аэропланами и танками, поляки бросили против 27-й последние резервы армии и фронта и даже обозников.

Французские офицеры подгоняли легионеров. Генерал Вилло и английский генерал Сприке как простые солдаты шли в польских цепях. Дивизия несла большие потери.

И для героев есть невозможное. Не выдержали... И пришлось отступить. Но шли наши части из Польши с твердой решимостью:

„Победим — рано или поздно!"

И в ночь на 17 августа, с болью в сердце, полки начали отходить с позиций, которые так недавно брались ценою крови лучших сынов дивизии.

Отход дивизии был одним из тяжелых. Начав его с запозданием, когда уже поляки орудовали в тылу, приходилось врага встречать на своих путях отступления.

Глубже стремились поляки проникнуть к нам в тыл. Хотели занять Белосток, чтобы отрезать отступление нашим армиям.

Торопилась дивизия к Белостоку, чтобы обеспечить себе выход, избежать охвата. Но поляки опередили дивизию и заняли Белосток.

Приходилось или сдаваться, или пробивать себе дорогу через фронт поляков. Решено было прорваться. Шедшая впереди бригада не выдержала огня поляков у Белостока и залегла под городом.

В атаку был брошен кавалерийский полк. Завязался бой. Лопнуло терпение у всех, ринулись с новой силой вперед герои-кавалеристы, бросилась в штыки бригада, город Белосток был взят, нам открыли путь к отступлению...

В панском имении собрание коммунистов полка. Правда, не всех. Часть осталась на позиции. Сидят полукругом под вековыми корявыми липами. Ждут военкома.

Распахнулась дверь панского дома, и наружу выскочил высокий чернявый парень с темно-карими глазами.

— Здравствуйте, товарищи, с кем не видался...

— Да уж всех видели,— под подстриженные усики улыбается комиссар взвода — пулеметчик Киселев.

Секретарь коллектива открыл собрание, и первое слово — военкому. Тот стал посреди, руку на револьверную кобуру.

— Долго говорить не буду. Положение ясно. Нам дана задача — задержать позиции, пока остальные отойдут. Держаться до последнего патрона, до последней возможности. По крайней мере до вечера... А то и до завтрашнего утра. Нас мало, а участок большой. Тут — выдержка наша большевистская нужна... Помните, что вы, — коммунисты. Устоим мы — ребята не дрогнут. Дрогнем мы — побегут и ребята. Нам умирать на позиции — не в привычку. Так...

Военкома на полуслове перебило татаканье пулемета.

— Товарищ военком, разрешите уйти, на моем участке стрельба,— поднялся Киселев.

Ухнула польская пушка. Все насторожились.

— Ну, товарищи, собрание будем продолжать после, а сейчас — марш по своим местам...

Понесшая громадные потери дивизия была отведена на отдых в район гор. Лиды. В поредевшие ряды было влито

пополнение. Все приводилось в порядок. Отдыхали. А в нескольких верстах кипел бой. И, заслышав бой, все встрепенулись.

— Что же мы. Неужели нас забыли? — вскричали красноармейцы.

Нет, не забыли. С рассветом сентябрьского утра была дана задача перейти в энергичное наступление на гор. Волковыск, занятый поляками.

Гор. Волковыск занимала познанская дивизия в шесть тысяч человек при 248 пулеметах, 24 легких и 18 тяжелых орудиях. Но просторы Сибири приучили 27-ую к обходным движениям.

— Вцепиться в ясновельможных — и не пускать,— напутствовал тов Путна командира бригады тов. Лапина, посылая его наступать на Волковыск с востока.

— Отрезать пути отступления противнику, ударив на него с севера-запада,— получил приказ командир бригады тов. Хаханьян.

Безумный план по дерзости, но верно рассчитанный.

Вскоре завязался бой. Тверской и Брянский полки „вцепились" в противника. Ожесточенно дрались те и другие. Долго не было перевеса.

А тов. Хаханьян с бригадой обходил познанцев. Спохватились поляки, но минцы и невельцы вели уже бой на окраинах города. Еще напор,— и полки бригад ворвались в город, беря с бою каждый дом и квартал.

Захохотали пулеметы с юга,— то курцы и кавалеристы ударили в тыл бегущим полкам. Зажатые в кольцо, давя друг друга, бросая оружие, бежали познанцы по единственно свободной дороге на Гайновку.

Смелый план удался.

Наши части отступали...

Выдержав упорный бой у ст. Койданово, дивизия начала жестокие бои на подступах к Минску. К тому же от исхода этих боев зависел ход мирных переговоров, происходивших в это время в гор. Риге.

Приходилось или сдаваться, или пробивать себе дорогу через фронт поляков. Решено было прорваться. Шедшая впереди бригада не выдержала огня поляков у Белостока и залегла под городом.

В атаку был брошен кавалерийский полк. Завязался бой.

Лопнуло терпение у всех, ринулись с новой силой вперед герои-кавалеристы, бросилась в штыки бригада, город Белосток был взят, чем открыли путь к отступлению...

В панском имении собрание коммунистов полка. Правда, не всех. Часть осталась на позиции. Сидят полукругом под вековыми корявыми липами. Ждут военкома.

Распахнулась дверь панского дома, и наружу выскочил высокий чернявый парень с темно-карими глазами.

— Здравствуйте, товарищи, с кем не видался...

— Да уж всех видели,— под подстриженные усики улыбается командир взвода — пулеметчик Киселев.

Секретарь коллектива открыл собрание, и первое слово — военкому. Тот стал посреди, руку на револьверную кобуру.

— Долго говорить не буду. Положение ясно. Нам дана задача — задержать поляков, пока остальные отойдут. Держаться до последнего патрона, до последней возможности. По крайней мере до вечера... А то и до завтрашнего утра. Нас мало, а участок большой. Тут — выдержка наша большевистская нужна... Помните, что вы, — коммунисты. Устоим мы — ребята не дрогнут. Дрогнем мы — побегут и ребята. Нам умирать за революцию — не в привычку. Так...

Военкома на полуслове перебило татаканье пулемета.

— Товарищ военком, разрешите уйти, на моем участке стрельба,— поднялся Киселев.

Ухнула польская пушка. Все засуетились.

— Ну, товарищи, собрание будем продолжать после, а сейчас — марш по своим местам...

Понесшая громадные потери дивизия была отведена на отдых в район гор. Лиды. В поредевшие ряды было влито

пополнение. Все приводилось в порядок. Отдыхали. А в нескольких верстах кипел бой. И, заслышав бой, все встрепенулись.

— Что же мы. Неужели нас забыли? — ворчали красноармейцы.

Нет, не забыли. С рассветом сентябрьского утра была дана задача перейти в энергичное наступление на гор. Волковыск, занятый поляками.

Гор. Волковыск занимала познанская дивизия в шесть тысяч человек при 248 пулеметах, 24 легких и 18 тяжелых орудиях. Но просторы Сибири приучили 27-ую к обходным движениям.

— Вцепиться в ясновельможных — и не пускать, — напутствовал тов. Путна командира бригады тов. Лапина, посылая его наступать на Волковыск с востока.

— Отрезать пути отступления противнику, ударив на него с севера-запада, — получил приказ командир бригады тов. Хаханьян.

Безумный план по дерзости, но верно рассчитанный.

Вскоре завязался бой. Тверской и Брянский полки „вцепились" в противника. Ожесточенно дрались те и другие. Долго не было перевеса.

А тов. Хаханьян с бригадой обходил познанцев. Сопротивлялись поляки, но минцы и невельцы вели уже бой на окраинах города. Еще напор, — и полки бригад ворвались в город, беря с бою каждый дом и квартал.

Захохотали пулеметы с юга, — то курцы и кавалеристы ударили в тыл бегущим полякам. Зажатые в кольцо, давя друг друга, бросая оружие, бежали познанцы по единственно свободной дороге на Гайновку.

Смелый план удался.

Наши части отступали...

Выдержав упорный бой у ст. Ковдашево, дивизия начала жестокие бои на подступах к Минску. К тому же от исхода этих боев зависел ход мирных переговоров, происходивших в это время в гор. Риге.

Дерзко наступали поляки, мужественно оборонялись красноармейцы, понимая всю важность и значение происходящего боя. И все же, под напором трех польских дивизий, пришлось отступить.

Поляки вошли в город с юга, когда одна из бригад пыталась пройти с запада.

...Командир Оршанского полка тов. Венцов, следовавший с колонной полка и имевший в голове батарею, столкнулся носом к носу с полком поляков, двигавшимся также в колонне и вышедшим на перекресток улиц. Не видя никакой другой возможности, товарищ Венцов скомандовал батарее „галоп", а полку „в атаку" и ринулся на колонну поляков, давя ее врезавшейся на галопе батареей. Так оршанцы пробились через Минск на восточную его окраину. От этой схватки остался след: у одного из ветхих угловых деревянных домов орудие, задевшее осью за угол, отворотило часть стены, так что в квартиру можно было входить без двери...

КОНЕЦ ВОЙНЫ С ПОЛЬШЕЙ

После последнего боя, накануне подписания перемирия, поляки оставили Минск, и полки 27-й дивизии вступили в город.

18 октября парламентеры дивизии, встретясь с польскими парламентерами в штабе Познанской дивизии, установили демаркационную линию.

19 октября 27-я дивизия была выведена в фронтовой резерв в район гор. Борисова.

Война с Польшей была кончена.

...Закончился поход 27-й Омской стрелковой дивизии к Висле и обратно, стоивший ей более восьми с половиной тысяч убитыми и ранеными и почти такого же количества людей, убывших по разным другим причинам, четырех орудий и около пятидесяти пулеметов.

Вражеской же армии она нанесла, повидимому, немалый ущерб в людском составе, взяв в плен одного генерала (командир артиллерийской бригады 15-й Познанской дивизии взят в плен в м. Свислочь), двадцать с лишком офицеров и три с половиной тысячи солдат, а также в вооружении захватив в качестве трофеев 56 орудий и более двухсот пулеметов...

Западная туча рассеялась.

Часть состава дивизии занялась работой, а другая — истреблением белогвардейских банд в районе Борисова и Гомеля. Скоро стало спокойно, началась подготовка к новым боям. Засели учиться.

По ходатайству сибирского революционного комитета, 27-й дивизии в честь взятия ею Омска было присвоено название Омской.

ЕСЛИ ПОСТАВИТЬ СЕБЕ ВОПРОС ЧЕМ ЖЕ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ОБЪЯСНЯЮТСЯ НАШИ ПОБЕДЫ ПРОТИВ ВРАГА, ГОРАЗДО БОЛЕЕ СИЛЬНОГО, ТО ПРИХОДИТСЯ ОТВЕТИТЬ: ТЕМ, ЧТО В ОРГАНИЗАЦИИ КРАСНОЙ АРМИИ ВЕЛИКОДЕЛНО ОСУЩЕСТВЛЕНЫ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ И ТВЕРДОСТЬ ПРОЛЕТАРСКОГО РУКОВОДСТВА В СОЮЗЕ РАБОЧИХ И ПОДДЕРЖКОЙ КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ ВСЕХ ЭКСПЛОАТАТОРОВ

Ленин

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

КРОНШТАДТ – ПОВОЛЖЬЕ.

НАМ НАДО ВСЕГДА ПОМНИТЬ О ТОМ, ЧТО МЫ СТРАНА СОВЕТОВ, ЧТО МЫ ОКРУЖЕНЫ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ, ЧТО ХОТЯ КАПИТАЛИЗМ ПОШЕЛ НА КОРЕНЬ, НО ЕЩЕ ДОСТАТОЧНО СИЛЕН, ЧТОБЫ НАПАСТЬ НА СТРАНУ СТРОЯЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА".

Ворошилов.

КРОНШТАДТ.

Приближалась весна 1921 года.

Среди гарнизона крепости Кронштадта началось брожение, раздуваемое меньшевиками и эсерами, на почве продовольственного и топливного кризисов, недовольства продовольственной политикой советской власти И к началу марта Кронштадт и часть судов нашего Балтийского флота очутились в руках мятежников-матросов, во главе которых стал генерал Козловский.

По всей республике пронеслась весть:

— Кронштадт в руках белогвардейцев!

— Кронштадт — красный часовой Питера — в руках врагов!

Вот-вот лед должен был тронуться. И тогда Кронштадт можно было считать потерянным для Советской республики.

Лучшие части, в том числе и 27-я Омская дивизия, были переброшены под Кронштадт. Общее командование было возложено на командующего западным фронтом т. Тухачевского.

Морская крепость, расположенная на острове Котлин, обнесенная рядами фортов и батарей, представлялась неприступной.

Белые все рассчитали и подготовили к разложению наших частей.

По побережью поползут кошмарные слухи, просачиваясь в красные части, обрушиваясь на молодых красноармейцев.

Слухи один страшнее другого.

— Верить, не верить?

Человек все же боится смерти, и удержаться перед напором головоломных слухов менее стойким нет силы.

— Говорят, что в первое наступление тридцать тысяч курсантов потопили?

— Залив весь на минах, и стоит пойти на лед, как все полетит в воздух!?.

И будучи в полном неведении о том, что творится в Кронштадте, нашлись... и дрогнули кучки свежих пополнений Минского и Невельского полков. Заволновались и загалдели:

— „Слыханное ли дело, штобы пехота на хлот ходила!"

Но стоек и выдержан старый красный боец. Не смутили его шкурники. А невельцы и минцы, получив обратно оружие после торжественно данной клятвы, при штурме крепости искупили свою вину.

В истории нет примеров, чтобы пехота брала морские крепости. Но разве существуют препятствия для красной пехоты?

По гладкому скользкому льду, под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем двигались в белых халатах красноармейцы.

Ночь. В весеннем тумане рвет небо прожектор. Железными рядами, плечо к плечу медленно приближаются цепи к фортам, к самому городу.

Первые цепи, пулеметным огнем прожженные, легли врастяжку... Погиб комиссар бригады, ранен начальник политического отдела дивизии. Здесь, начиная с начдива, шел весь ком.-полит. состав, увлекая за собой красноармейцев.

Один за другим пали форты и дредноуты.

И в годовщину Парижской коммуны, Кронштадт — гордость русской революции, красный часовой — был возвращен республике.

В СТЕПИ.

Поволжье шевелится,
Бандиты там чинят разбой,
Не дать бандитам укрепиться,
ВЦИК поручил двадцать седьмой.

Отдыхать не пришлось.

Из Петергофа Омская дивизия переброшена в низовье Волги, где несколько губерний были охвачены волной

бандитских восстаний. Целые уезды были в их руках. Горячо красноармейцы взялись за дело, уничтожая бандитизм в Самарской, Саратовской, Царицынской, Уральской, Оренбургской и Астраханской губерниях.

ЗА КОГО МСТИЛИ.

Май. Степь. Самая настоящая волжская степь. Жара — хоть пироги пеки... Пятый десяток верст отчубучиваем. Нас на подводе шестеро. Вприжен верблюд... орет, проклятый, всю дорогу.

— Дядя, а скоро будет озеро Эльтон?

— Да вон за тем бугром и будет самый Ельтон!

— А сколько верст?

— Да, почитай, пятнадцать, а то и двадцать!..

— Тьфу, чорт возьми! Едем, едем, а все пятнадцать... Запевай, ребята.

Поехал охотник на теплые во-о-оды...

То была любимая песня пулеметчиков Крестьянского полка. Остальные подхватили:

Шел бережк-о-о-ом...

В пыли, в лаптях, потные, не совсем сытые выплавливали омцы Пятаковых, Еркиных, Сафаркиных... Но заставить пехоте кавалерию в степи очень трудно и утомительно...

— Товарищи, не расходитесь далеко. Здесь ночевать не будем. Через час дальше.

— Брось брызгать! Шестьдесят верст проехали — и все дальше.

Старшина, старшина,
Куда уезжаешь?
— На бандита Пятакова.
Разве ты не зна-ешь?

И все так. Шутили, смеялись. От Палассовки до Савинки 18 верст. Там советы и ревком разогнали бандиты.

Вошли в село удачно без выстрела. Разместились. Выставили караулы. На утро, из банды Еркина и Шаповалова поймали только двоих. Немцы-колонисты.

— Из какой вы банды?

— Вир нихт ферштейн .. (Мы не понимаем.)

— Ваши документы.

— Их хабе нихт... (У меня нет.)

— Врешь, мерзавец, скажешь! — И... рассказал. Хорошо говорит порусски. Только у этих двоих отобрали винтовку, два нагана и несколько гранат.

— Товарищ командир, наших сельских работников зимой банда Вакулина в одном белье держала в пустом холодном сарае. А днем выгоняли их на снег, чтобы, дескать, сарай проветрить... Под лед в прорубь пустили нескольких: „Прыгай, сволочь, головой, чего ногами лезешь? — лезь головой!“

— Заставляли по часу стоять голыми ногами на льду...

— Расстреливайте их, товарищи, отомстите за наших братьев крестьян!

И расстреляли. Очень уж много подлости они делали крестьянам и особливо хуторянам.

Видели омцы, как ограбленный неурожаем и бандами крестьянин осмаливал, вымачивал, варил и ел старые сушеные кожи. А были места в Поволжье, где за неимением кошек и собак приступали к человеческим трупам...

— Товарищ, ты сейчас из Камышина!?. Скажи, что там есть банды?

— Есть, брат, на днях прибыл для крестьян эшелон с хлебом из центра. Напала банда. Часть зерна увезли, а остальное сожгли и рассыпали по земле.

Разбив шестьдесят крупных банд, омцы выполнили еще боевую задачу советского правительства — ликвидировали бандитизм Поволжья.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НА ПОСТУ.

„ПЕРВОЙ ЗАДАЧЕЙ КРАСНОЙ АРМИИ ЯВЛЯЕТСЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ И СВОБОДЫ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК ОТ ВСЯКИХ ПОКУШЕНИЙ И ОГРАЖДЕНИЕ МИРНОЙ ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН".

В ГОСТЯХ У ОМЦЕВ.

Части дивизии стройными шеренгами вытянулись на первой линии лагеря. Посматривают в сторону города. Внимательно, иные бойцы даже прищурив глаза, глядят.

— Едут!.. Едут!.. — через минуту по шеренгам молнией пронеслось.

— Они! Германские, итальянские, финляндские пролетарии. Они приехали,— слышится в рядах.

— Смирно!

Гости проходят вдоль рядов. С любовью и с завистью смотрят на красноармейцев.

— Когда-то удастся и в других странах создать Красную армию.

Здороваются.

И особенно дружно, радостно и бодро звучит ответ.

Вокруг автомобиля части дивизии построены кольцом. Боевые знамена огневой зарей чуть-чуть колышутся. Кажется, в эту торжественную минуту напоминают они молодым бойцам о героическом прошлом.

Автомобиль — трибуна. На трибуне, с небольшим знаменем в руках, член итальянской коммунистической партии тов. Бини. Невысокий, живой, с ласковой улыбкой.

Он говорит поитальянски. Слушают непонятный язык бойцы, а по жестам, выражению лица понимают его.

И настроение поднимается с каждой минутой.

— Товарищи! Славные красные солдаты 27-й дивизии. Итальянская коммунистическая партия выполняет то, что она давно обязалась сделать. Она вручает вам боевое

знамя от имени туринских рабочих. Ваша дивизия, которая в стольких битвах сражалась против белогвардейцев, является для итальянского пролетариата первой ячейкой будущей итальянской армии. Итальянский пролетариат смотрит на вас, как на опору грядущей революции.

От имени итальянских делегатов на V конгрессе Коминтерна и от имени ЦК Итальянской коммунистической партии и итальянского пролетариата приветствую вас и желаю 27-й дивизии продолжать одерживать всюду победы!..

На автомобиле тов. Розина — работница одного из итальянских заводов. Одета просто, волосы гладко причесаны. Лицо дышит большой силой воли.

— Как есть работница, — кто-то говорит про нее.

Отчеканивая слова, она произнесла:

— Знамя является знаком нашей горячей веры в победу. Шили его тайно, ночью. Оно сшито руками женщин-коммунисток гор. Турина. Шили его потихоньку от фашистов, невыносимым гнетом сдавивших пролетариат Италии.

Когда они решили вам преподнести это знамя, они думали о вас и считали, что вы являетесь залогом возможной победы. Я сообщу товарищам-коммунистам, женщинам-работницам Турина, всему рабочему классу и крестьянам Италии, что непобедимые солдаты 27-й дивизии крепко будут держать это знамя в своих руках. Знамя это бойцы возьмут на Запад, когда настанет неизбежный час, в который можно будет свергнуть капитализм.

В этот день рабочие Италии к нам присоединятся и с этим же знаменем пойдут против общего врага, чтобы создать Всемирный союз советских республик!..

Гром восторженных криков заглушил последние слова работницы Италии.

Знамя принял комиссар.

— Даем мы клятву итальянским товарищам, преподнесшим нам знамя, что славная 27-я дивизия не опустит

его никогда. Впереди, высоко она будет нести это знамя в грядущих боях за всемирное освобождение трудящихся!..

— Принимая знамя, мы клянемся бороться до последней решительной победы над капиталом. Передайте это трудящимся всех стран, представителями которых вы были на V конгрессе Коминтерна.

— Донесем это знамя до Рима и там водрузим!— говорили красноармейцы.

Делегаты, знакомясь с жизнью лагеря, внимательно все расспрашивали и смотрели. Много внимания уделяли ленинским палаткам, искренне восхищаясь их красотой.

Тесным кольцом окружили красноармейцы гостей. Засыпали их вопросами:

— А у вас есть для солдат библиотеки?

— Как живут солдаты?

— Как обращаются офицеры?

— Велик ли паек?

— А скоро ли у вас будет революция?

Гости отвечали бойцам на все вопросы, и беседа затянулась надолго.

ОТЪЕЗД

Проходя мимо знамен, отдали честь. Около автомобилей, под громкое „ура“ качают гостей.

Вдруг, к всеобщему удивлению, итальянский делегат, сильно картавя, говорит порусски:

— Да здравствует 27-я дивизия!

Ахнули красноармейцы, но рады безмерно. Раз — да сказали дорогие гости порусски.

Отъезжают автомобили. А им вдогонку:

— Кланяйтесь вашему пролетариату! Расскажите о нас.

В одной из книг в ленинской палатке члены Финляндской коммунистической партии написали свое мнение о Красной армии и впечатление, которое осталось у них после осмотра лагеря 27-й дивизии.

„Я убедился еще тверже, что Красная армия действительно единственная опора рабочих и крестьян".

Фрибер.

„Впечатление поразительно прекрасное. Русская буржуазия может совсем распроститься с Россией".

Сальминен.

„По великим подвигам всегда имел хорошее представление о Красной армии, но такого величия не ожидал видеть, что видел. Красная армия велика и доблестна".

Генри Пальм.

БУДЕМ ВМЕСТЕ СРАЖАТЬСЯ [1].

С чувством глубокого удовлетворения и радости Итальянская коммунистическая партия принимает выбор этой дивизии — быть ее духовным шефом.

В борьбе на интернациональном фронте против общих врагов между нами уже установилась особая связь.

Больше чем четыре года вы боролись в рядах славной Красной армии, чтобы разбить барьер из железа, огня и безрассудной жестокости, которым бешенство империалистических государств окружило первое пролетарское государство, чтобы уничтожить и раздавить его. Больше чем два года мы боремся против жестокого и кровожадного врага — фашизма, который хочет потопить в крови всякие революционные попытки итальянского пролетариата, стремящегося к своему освобождению, идущего по пути, указанному ему героическими российскими рабочими.

---

[1] Историческая грамота Итальянской компартии 27-й дивизии. (Перевод с итальянского.)

Судьба наша была различна: победами озарены ваши ряды, а наш пролетариат потерпел временное поражение. Но борьба еще не закончена. Империалистическая буржуазия вновь готовит новое нападение против Советского союза. Для защиты пролетарского государства и для освобождения всех угнетенных и эксплоатируемых международный пролетариат теперь организует и укрепляет свои ряды и готовится к новым битвам.

Итальянский пролетариат, так жестоко страдающий под реакцией, был временно разбит, но не раздавлен окончательно. Он начинает уже оправляться. Его сознательный революционный авангард, закаленный в борьбе, оставался непоколебимым на своих местах в самом разгаре реакции и жестоких преследований со стороны неприятеля против одного и того же врага — империалистической всемирной буржуазии. Во имя одной и той же цели — освобождения пролетариата всего мира — мы будем вместе сражаться в великой борьбе за пролетарскую свободу.

В этом более тесном союзе, который теперь устанавливается между нами, мы видим клятву верности делу мировой революции, в которой вы занимаете первое место. В выборе нас шефом вашей дивизии, знамена которой украшены победой и славой, мы видим радостное предсказание и нашей победы.

Да здравствует Красная армия!

Да здравствует Коммунистический интернационал!

Да здравствует мировая революция!

Члены Центрального комитета Итальянской коммунистической партии: *Бруно Негри. Эджидио Дженари. Антонио Грамши.*

Библиотека
Института Ленина
ЦК К. П. С. С.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Письмо представителя Компартии Италии в ИККИ 3
Предисловие 5
Послужной список дивизии 8
27-я Омская (песня 27-й дивизии) 9

Часть первая. — От Волги до Енисея 13
Борьба за Казань 15
У седого Урала 19
„Правитель" Омский 24
В плену у белых 30
Снова вперед 32
Через Белую 40
Златоуст. — Парад не удался 45
„За Челябу" 48
Пой, Колчак, пой 51
На Тоболе 53
Отец и сын 56
„Уфимская стрелка" 61
Медведовка 64
На отдыхе 67
Форсирование Тобола 71
Под Омском 73
У красного командира 79
По пятам 82

Часть вторая. — На Варшаву 87
На Запад 89
„Не дали думать" 90
Окровавленная река 92
Как надо бороться 95
Штыки заставили говорить 99
На этот раз отступили 101
Конец войны с Польшей 104

Часть третья. — Кронштадт — Поволжье 107
Кронштадт 109
В степи 110
За кого мстили 111

Часть четвертая. — На посту 113
В гостях у омцев 115
Отъезд 117
Будем вместе сражаться 118